

**Деревня Верхняя Федоровка (Свежая Гарь)
Молчановского района Томской области,
основанная переселенцами из Черниговской губернии**

**Николай Иванович Жук, уроженец д. Верхняя Федоровка,
в настоящее время проживает в г. Томске.**

**Воспоминания Николая Ивановича дополняются
его размышлениями о судьбе предков и родной деревни.**

Пройдет много-много времени, и жизнь человека склонится к закату. Молодость все реже станет волновать его воображение, забегают внуки, говоря ему: «дедушка». Много лет привычной дорогой ходил старик-переселенец по родному селу, ведь для него оно стало родным. А как же иначе? Ведь он один из основателей той эпохи. А та давняя пора все стоит и стоит перед глазами, не позабытая, как поцелуй первой любви. Однажды он встрепенется, и покручивая седые усы, и ухмыляясь в седую бороду, вспомнит свою молодость, и суженую, нарожавшую ему детей, а сейчас покоящуюся на горе Свежегарьского кладбища.

Старый человек с очень молодыми глазами, направо и налево с поклоном отвечая на приветствия односельчан, с грустью подумал, что часто ему стали сниться люди, покоящиеся на погосте, с которыми он делал историю своей деревни. В конце концов, жить осталось немного. Дело сделано. Смерть, как и рождение человека, есть акт возвышенный. И с этим ничего не поделаешь. Земля дала, земля и взяла, природу не обманешь. Шумит старый лес вокруг Федоровки, напоминая пожилым переселенцам, что они сделали свое дело, заселили русским людям эти дикие некогда места.

Время неумолимо вычеркивает из нашей памяти давно слышанные воспоминания бабушек и дедушек об этом героическом времени. Именно героическом, ведь нелегко сорваться с нажитого веками места, от своих родных, сесть в поезд, где многие ехали с маленькими детьми, а может быть даже с домашними животными. (Так что их тоже можно считать переселенцами и участниками массового движения в восточную часть России). Прошу извинить меня за многие неточности, за то, что сам имею мало информации. Вот, слава Богу, пишу из детской памяти, и всплывают рассказы близких мне очевидцев того времени. И ностальгия хватает за душу, что я никогда больше не услышу тех уважаемых стариков, носителей древней славянской культуры. Ведь весь сибирский быт еще во многом сохранился от тех людей, которые привезли его сюда через всю державу. Домашняя утварь во многих еще деревнях сохранилась в окованных сундуках и скрынях в виде вышитых рубах с отворотом, головных чепцах, в виде платков и хруст¹, пока еще это хранится как семейные реликвии, напоминая о переселенцах Столыпинских реформ, то есть о бабушках и дедушках. Они рассказывали нам, детям, об украинской, белорусской родне, о том, что наши корни там, на Черниговщине.

В документах Столыпинских реформ говорилось о том, что нужно осваивать свободные земли в Сибири, где их был непочатый край. Это всколыхнуло народ, в основной массе безземельных крестьян. Настойчивость и тяга к воле, желание иметь много земли повлияло на решение переселяться в Сибирь. За Каменный пояс направились ходоки, выбранные на сельских сходах. Ходоки возвращались и рассказывали о бесконечных лесах, называемых тайгой, о глубоких полноводных реках и озерах, о жителях Сибири – аборигенах, чалдонах, а также о ссыльных политических, пленниках,

¹ Тексте. Возможно, имеется ввиду хустка - (украинский и белорусский) - платок, квадратный кусок ткани, который повязывают на голову, накидывают на плечи.

осужденных на каторгу и вечные поселения. Ходоки рассказывали о том, что везде нужно приложить руки, а жить в Сибири и на Дальнем Востоке можно. В изобилии в этих краях дичи, а рыбы так много, что по весне валом заходит на все заливные места. Леса много, корчуй, выжигай гари, распахивай, земля нетронутая, никогда не видевшая сохи, плодородная.

Помимо нашего рода Жук переехали в Сибирь и другие. Под фамилией Аксиненко их потомки до сих пор еще живут в деревнях и селах Верхняя Федоровка, Тунгусово, Майково, Молчаново, Могочино, в городах Томске, Новосибирске, а также разъехались по всей стране. Очень много людей под фамилией Соколовы, они также живут в ближайших населенных пунктах и районах. Много было переселенцев под фамилиями Сарасек, Швендик, Обложко, Макачук, Портнишкины, Гольневы, Гундаревы. Одновременно заселялись вокруг новостроящиеся деревни, такие как Березовка, Лаптевка, Князевка, Пригородное, Сельповское, Трудовик, Поляковка, которые еще в мое детство перестали существовать, чему виновата Хрущевская политика укрупнения. Ведь тогда, при Советской власти, эти деревни, деревеньки, были колхозами или же их отделениями. После укрупнения люди разъехались кто куда, зачем это нужно было делать? Ведь жили люди со своим укладом, бытом. Нет же, надо было людей сорвать с обжитых мест. Где они сейчас все...

По Чулыму из деревень, где были леспромхозы и сплавконторы, остались только Суйга и Сулзат, а в устье Чулыма – Игреково. А по Оби все деревни по правому берегу исчезли. В виду специфики ловли рыбы исчезли практически все рыболовецкие артели, где люди ловили рыбу и этим жили, сдавая улов на Молчановский рыбозавод, на котором коптили рыбу, солили, делали консервированную в банках: частик, язь, щука, шпроты и другие рыбные продукты. В настоящее время по известным аномалиям политики завод прекратил свое существование, как и другие жизнеобразующие организации. Во всех деревнях было очень много скота, еще с единоличных времен домашний скот – это финансовый и продуктовый оплот семьи. В Сибири нет и не было проблем по выпасам скотины. Пасли домашних животных или по очереди от каждого двора, или же нанимали пастухов по решению сельского схода. Проблема была в одном – много было волков. Так что пастух обязан был с ружьем охранять стадо, где помимо крупнорогатого скота были овцы. Овца в Сибири имела особое значение. Это мясо, из шкур овцы после выделки шили полушубки, тулупы, из шерсти катали валенки, вязали, шили шубенки. Так что в каждом дворе овечка была на особом счету. Это наши дети практически не знают что такое валенки-самокатки. А мы-то росли - все в них бегали, и нам любой мороз был нипочем, даже минус пятьдесят по Цельсию. В это время в школу не ходили, нам был праздник, и мы целыми днями что-то рыли в сугробах и играли в войну, и катались с крутых гор на лыжах. Вот поэтому наше поколение закаленное.

Фамилия Жук

В далеком-далеком XIX веке, в родовой хате (к сожалению, не знаю, как звали нашего прапрадеда), по земляному полу бегали наши предки, хлопчики и дивчинки, ведь в крестьянских семьях традиционно было много деток. Это все были будущие работники и продолжатели рода. Вот в такой куче единокровных ребятишек отца семейства звали Михаил. Это прямой родственник, являющийся Якову Жуку дядькой, а моему деду Малаху отцом. У этого Михаила были братья Пивон² и Иванька. Больше сведений не имею, знаю только, что вместе со своими домочадцами они приехали в Сибирь. У моего деда было пять братьев и одна сестра. Их звали Малах, Марк, Захар, Роман, Михаил и Мария.

² Имя редкое, тем не менее, в славянском именослове встречается.

Жук Пивон и Жук Иванька – это, скорее всего, двоюродные братья моего деда. Были и другие Жуки, были и Жуковы. Все это выходцы из деревни Сельцы и других деревень Черниговской губернии. А по какому родственному древу мы сейчас доводимся друг другу, поди, разберись. Все знающие носители родственных связей давно лежат на погосте в Верхней Федоровке, Томской области, Молчановского района. Я только знаю, что все Жуки и Жуковы – это одна фамилия и один род. Еще в летописи проскальзывала наша фамилия – упоминается боярин Жук. Боярин-то Черниговский. Это в церковных книгах писалось кто батька, а кто matka, каким именем наречет батюшка при крещении, и последний этап жизни, это дата усопшего раба божьего. Спасибо православной церкви, она хранитель родословий.

Яков Жук остался в Сельцах (это я узнал из рассказа **Эммы Петровны Матвеевой (Маниной)**³, а его сыновья перебрались в Сибирь. Дядька Роман Жук жил в нашей деревне, знаю его детей. Мы всегда роднились и знали, что мы близкая родня. Знали, что дядька Николай живет в Кривошеинском районе, деревне Бугры. К сожалению, его детей я не видел, а может и видел, но не помню, детская память не компьютер, где занес в базу, и она будет храниться сколько угодно. Дед Эммы Петровны и мой прадед Михаил – родные братья. А уже мой дед Малах и Роман Яковлевич – племянник с дядькой.

Марченко Афанасий Павлович

О моем дедушке еще в 60-х годах рассказывала его родная сестра, бабушка Татьяна. У Афанасия еще была сестра Ховронья, но ее я помню туманно. Еще я маленьким был, когда жила она на Зеленой улице нашей деревни. Из рассказа бабушки Татьяны пишу дальше.

Афанасий Павлович Марченко, получил образование в Америке и, вернувшись на Родину, переселился в Сибирь. Он работал агрономом еще в царское, а затем в Советское время. Афанасий Марченко, был грамотный и бывалый рассудительный мужчина, который по воле судьбы был в Америке. Афанасия в 13 лет посадили на пароход и вместе с двоюродными братьями, дядя Гаврила привез его в загадочную Америку, где он до 29 лет обустроивал фермерское хозяйство в прибрежной теплой Калифорнии, то есть работал на хозяина. Время, проведенное в Америке, даром не прошло. Афанасий вырос в практически двухметрового юношу и стал красивым парнем. В это же время он окончил школу и получил образование по специальности агроном. Затем он вернулся в фермерское хозяйство, где проживал его дядя с сыновьями, и вместе с братьями стал осваивать полученные знания на практике.

Афанасий стал задумываться о своей жизни, он рано потерял отца и очень беспокоился, как там живет в России мать Лукерья, которая писала сыну: «Глаза плохо видят, приезжал бы ты сынок на Родину и пожалел старую мать. Подыскала тебе невесту, зовут Ольга, она из рода казаков с Дона. Родители ее приехали оттуда. На присланной тобой фотографии ты ей приглянулся, даже очень. Сынок, хватит мотаться по заграницам, я хочу понынчить внуков. Приезжай домой, женись, обрадуй старую мать. Да и про реформы в газетах пишут, что тому, кто поедет в Сибирь, будут льготы. А земли бери, сколько можешь освоить». Афанасий крепко задумался и однажды сказал своему дяде Гавриле, что хочет вернуться в Россию. Дядька подумал-подумал и сказал: «Ну что же, Панас, если решил, поезжай, женись на русской, не порти славянскую кровь». Вскоро Марченко Афанасий Павлович распрощался с родственниками, купил билет на пароход и отбыл на родину в Россию. К Одессе пароход подходил утром рано. Афанасий вглядывался в берег давно покинутой родины. Тогда, мальчишкой, он еще не знал, что расстанется с Родиной на целых 16 лет. И вот она рядом. Буксир завел большой океанский корабль, загремели якорные цепи. Санитарные врачи, таможня и одесская полиция

³ <http://сибиряки.онлайн/documents/semeynaya-istoriya-emmy-petrovny-matveevoy/>

скрылись в недрах парохода, проверяя документы. Люди с нетерпением ходили по палубам, ожидая разрешения сойти на берег. Получив багаж, сошел на берег Афанасий. На железнодорожном вокзале купил билет на поезд, который через сутки подошел к Чернигову. Затем в бричке он доехал до родных Сельцов.

Родные очень хорошо встретили Афанасия, жалели, что дядька Гаврила не вернулся вместе со своими сыновьями на Родину. **Мать Афанасия, Лукерья**, была из разорившегося дворянского рода. **Баба Таня говорила**, что родители Афанасия имели свою усадьбу и сорок крестьян. Еще до отмены крепостного права мой прадед Павел отпустил своих крестьян и выдал им вольную, наделив все дворы землей. Крестьяне очень уважали его, и после отмены крепостного права никто из бывших крепостных никуда не разбежался, они все остались жить на своих наделах. Мой дед родился уже после отмены крепостного права, также как и остальные дети прадеда Павла. По истечении времени хозяйство бывшего помещика захирело. Не знаю, в каком году мой прадед заболел и умер. Прабабушка Лукерья продала свой большой дом, оставив в наследство своим детям дворянское происхождение и некоторую сумму денег. Когда моего деда увезли в Америку, он всегда помнил, что он из богатой семьи, а поэтому получил хорошее образование, которое в дальнейшем очень пригодилось в Сибири.

Прабабушка Лукерья познакомила Афанасия с первой певуньей-песенницей казачкой **Ковалевой Ольгой**, которую приглашали на всякие сельские спевки, на свадьбы и в другие селения, голос Ольги славился по всей округе. Красивый голос был у нашей матери, сестер Анны и Евдокии. Мне и сестре Тамаре (особенно Тамаре) достался в наследство голос бабушки Ольги, эта наследственность перекинулась и нашим детям.

И вот Ольга стала Марченко. На свадьбе деда и бабушки гуляло все село.

В это время на Черниговщине села бурлили, многие хотели ехать на новые земли в Сибирь. Вот и Афанасий, распрощавшись с молодой беременной женой, матерью, сестрами и братьями, получил в своем уезде сопутствовавшие документы и полномочия ходоков и с группой односельчан отбыл поездом в Сибирь. По железной дороге ехало очень много таких же ходоков. За разговорами проехали Казань, Урал и вот она Сибирь-матушка. Проехали Омск, Барабинские степи, Новониколаевск, станцию Тайга. Теперь поехали по одной ветке и прибыли в губернский город Томск. Уже на вокзале их встречали чиновники, оформляли сопроводительные документы. Дальше ехали на пароходе по Оби. И вот на горе завиднелась белая церковь и строения большого уездного села Молчаново, которое основано со времен царя Петра. Подойдя к усатому уряднику, ходоки предъявили ему бумагу с орлом (ходаческое свидетельство). Урядник взял бумагу-документ, и прочел, что полномочны сельским сходом села Сельцы Черниговской губернии (на карте есть деревня Сельцо Суражского уезда Черниговской губернии) в Молчаново прибыли: **Аксиненок Федор, Аксиненок Александр, Марченко Афанасий Павлович, Серосек Павел, Жук Роман Михайлович** и по прибытии в пункт назначения податели документа должны приступить к поиску земель для основания поселения.

Рассказ ходока.

*Вечерело, ходоки ехали на телеге. Вот поворот налево, справа осталась колея, ведущая в деревню **Майково**. Сопровождающий сказал, что Майково уже около двести лет. Бричка притормаживаемая конями и людьми, скатилась с крутой горы и спустилась в низину, где протекала небольшая речка под названием **Малый Татош**, а само место, где был переброшен деревянный мост, носило название **Чертов лог**. Мужики, переглядываясь друг на друга, при произнесении названия места перекрестились. Телега быстро перекатила, громыхая колесами, по деревянному настилу на другой берег. Кони, фыркая, потянули бричку в гору. Через два километра, ходокам открылась панорама другой небольшой речки, но раза в четыре больше предыдущей, которая протекала по обрывистому берегу и извилисто уходила в сторону виднеющейся вдали на горе деревни Майково. Место было открытое и сверху вниз красиво просматривалось. Подошли к берегам речки, которая называлась **Большой Татош**. Видно было, как тяжело в ней*

играла крупная рыба, молотя хвостами по воде. Мужики прямо на берегу быстро наловили окуней, стали варить уху и готовиться к ночлегу, делая шалаши из пихтовых веток. Людям, родившимся в лесных массивах Черниговщины и Брянщины, было не впервой ночевать в лесу и на берегах рек. Но здесь все было по-другому, как-то более массивней и величавей. Ведь куда ни кинь, лес, а по правой стороне тайга. Как сказал сопровождающий ходоков уроженец Молчанова Кузьма, за этой полосой таежного леса, по прямой, есть конно-пешая тропа, если по ней поехать, то через четыре версты вниз, к океану, течет река Обь. Даже ночью слышно, как шлепают об воду колесами юркие пароходы, таща на буксире баржи разного назначения, перекликаясь гудками со встречными и расходясь бортами.

Стояла осенняя тишина, пахло желтой листвой, грибами и рыбой. Запах исходил из омута, но казалось, это дыхание большой сибирской реки. Где-то недалеко, за Майково, Татош вливается в речку Искуран, а она плавно вкатывается своими черными болотными водами в светлую, под цвет песка, водную гладь могучей Оби. Кузьма рассказал, что три века назад на дончаках пришли казаки из Тобольска и основали Томск. О многом говорили мужики, и удивлялись рассказам Кузьмы. Как старый и опытный охотник, он повествовал новым своим знакомым о том, что знал сам. Уставшие люди скоро уснули. Взошедшая луна освещала шалаши, в котором зарождалось история будущего поселения.

Свежая гарь.

К приезду основной массы переселенцев поселение стали звать Свежая гарь. Название деревня получила потому, что в этом месте были следы прошедшего пала. Кто-то из близлежащего села Тунгусово пустил пал, выжигая лесной массив под распашку нового поля, который перекинулся на левый берег Татоша.

Деревня быстро разрасталась, приезжали новые переселенцы, были пришлые и родственники первопроходцев. Ранней весной вечерами молодежь хороводилась, понемногу забывая, что на Черниговщине в это время уже цветут яблони. А вновь народившимся детям вообще не было никакой разницы, Сибирь стала их Родиной, а они - коренными сибиряками. Привыкали к зимам, небывало снежным, куражистым, да и холодным веснам, утопающим в снежных заносах. Вот и долгожданное тепло и детвора ловит низколетающих хрющей (майских жуков). После обильного снега много влаги и много комаров, это явление тоже становилось привычным, и даже гнус не пугал людей. На ночь в ведрах из коровьих кизяков делали дымокуры, это было самое эффективное средство спасения от гнуса.

Некоторые переселенцы все-таки уезжали назад, не выдержав сурового климата и непосильной работы. Были и слабовольные, которые приехав в Сибирь и столкнувшись с трудностями, уезжали обратно. А кто обжился, те становились настоящими закаленными сибиряками, с чертами характера, присущими людям, живущим в этих суровых условиях. По большому счету, не так страшен черт, как его малюют.

Переселенцы увидели, что природа очень хорошая. Много, много земли и леса, который тут же валили, обрабатывали, рубили срубы и ставили дома, что пережили суровую зиму. Прошел ледоход, был большой разлив воды. Сажали огороды, где росла картошка, овощи, много пахали, обрабатывали землю. Местная власть помогала переселенцам и выплачивала из казны положенные подъемные для приобретения лошадей, коровы, всего того, что нужно для домашнего хозяйства. Деревня росла на глазах. Люди помогали друг другу строить подворья. Жизнь продолжалась, зимой сыграли много свадеб. За несколько лет Федоровка разрослась, вдоль поймы Татоша образовалась Центральная улица длиной в 5 километров, были заселены так называемые Заборачье, разделенное оврагами, Зеленая улица.

С детства помню, что деревня наша была очень большая, и народ был дружный. Прибывали из других губерний России, в деревне звучала певучая белорусская, русская и украинская речь. Наша деревня разговаривала по-своему. При встрече со своими

односельчанами мы быстро переходим на свой диалект. Замечу, что уже с годами все труднее и труднее говорить по-своему, нужны такие же, как и сам, собеседники. В Федоровке я быстро перехожу на свой диалект, как будто никуда и не уезжал из родной деревни.

(Например, в белорусском языке (на котором говорили в Суражском уезде Черниговской губернии, где была деревня Сельцо) до последнего времени не было звука "ф", поэтому вместо Фрол произносили (старики и сейчас так говорят) Хрол. Хроленок, Хроликов - это современная русская фамилия Фролов. Могу добавить, что это особенность не только белорусского языка - и в деревнях Центрального Черноземья буква "ф" в словах произносилась как звук "х" (или "хв")).

Переселенцы выжигали поляны, освобождали их от леса и прошлогодней травы, корчевали пни, распахивали, засеивали рожью, овсом, пшеницей, гречихой, горохом, ячменем. Появились названия полей: Малые ворота, Большие ворота, Заборачье, Зачёртова долина, Подтунгусовье, под Татошем, под Троицкими хуторами, под Гришиным, под Березовским кедром, под Трудовиковской ложбиной, за речкой.

Второй пожар и новое название

В 1910 году, по весне произошел второй пожар. Во время выжигания леса подул сильный ветер в сторону деревни, загорелись дворовые постройки. Выгорело более 30 дворов. Люди все бросились тушить пожар, но к вечеру было удручающее зрелище. Хмурые мужики ходили возле своих погорелок. По деревне раздавались женские причитания. Слава Богу, обошлось без человеческих жертв. Кое у кого сгорела домашняя птица, а скотина напугано бродила по околицам около сгоревших дворов...

После этого пожара на сходе жители решили назвать деревню Федоровка по имени самого старшего по возрасту 45-летнего Аксиненко Федора. А так как вниз по Оби в 8 километрах от Молчанова на крутом берегу Оби уже была небольшая рыбацкая деревня Нижняя Федоровка (около 70 дворов), чтобы не было путаницы в одном уезде, Свежегарь стали называть Верхней Федоровкой. Одна - на Оби, а наша прямо по тракту, который шел на север, в сторону Подгорного и Колпашево, а через Инкинские болота по зимнику на Парабель, до Каргаска, Александрова и далее. Сообщение в те годы, в основном, было водным, зимой ходили обозы и почта, этапы со ссыльными шли вдоль русла реки в Нарымский край. В основном в Сибири селились вдоль реки, так как дороги практически отсутствовали из-за множества болот и озер. Мало-мальски начали строить относительно проезжие дороги в начале коллективизации тридцатых годов с развитием лесной промышленности и сельского хозяйства. А до этого времени все сообщение было водным путем, да по всяким набитым конскими копытами тропам.

Конечно, в первые годы, переселенцам было очень трудно. Болели маленькие, уже народившиеся в Сибири дети, а детей в крестьянских семьях было очень много, в том, числе и в семьях моих родителей. Отец родился в 1911 году, а мать в 1912 году. Это дети, которые захватили и революцию, и гражданскую войну, единоличную жизнь, коллективизацию, репрессии, а самое главное, Великую Отечественную войну.

Церковь

С каждым прожитым годом отодвигалось в прошлое родное село Сельцы, в котором была белокаменная церковь. Здесь население венчалось, по воскресеньям туда ходили на церковную службу, а многие из детей ходили в церковно-приходскую школу при этой церкви, постигая устои православия и человеколюбия. Церковь стояла на возвышении посередине села. А вокруг были яблоневые сады и множество сирени. Во время цветения было очень красиво, особенно в праздник Троицы. Ограда храма утопала в цветах сирени. Все это описываю из детской памяти, **по рассказам моей бабушки Дарьи Жук, матери моего отца (урожденной Ковалевой).**

В нашей деревне Свежая Гарь - Верхняя Федоровка никогда не было церкви, о чем очень сожалею. Но рядом был уездный центр и в Молчаново, где церковь была. Она стояла при спуске с крутой горы, которая еще в пятидесятые годы была очень крутая и поводы спускались на уздцах. Ездовой держал лошадь под уздцы, и, держась за оглобли или дышло брички и успокаивая коней, потихоньку спускал упряжку. Здесь же, с левой

стороны горы, стояла и стоит районная церковь села Молчаново, которая была закрыта с начала тридцатых годов. Как и везде, в ней был склад, временами хранили зерно, я помню, что над церковью кружило много голубей. В 1967 году ее отремонтировали и сделали в помещении районный узел связи, где он просуществовал по 1991 год, когда ее вернули в лоно Томской епархии. Сделали ремонт и сейчас, как и сто лет тому назад, здесь идут службы. Почему поставили под горой церковь, этому есть объяснения. Ведь наверху, где сейчас раскинулось село, раньше был сплошной березняк. А транспортный путь проходил по воде. И село основывалось вдоль реки. А церковь стояла на возвышении, и далеко с реки ее было видно, был слышен звон ее колоколов.

Пристань

Помню ощущения, когда мы с трепетом подъезжали к пристани на пароходе или на «Ракете». Подавали трап и мы сходили на палубу дебаркадера, который украшал всю пристань красивыми деревянными постройками. На берегу было много празднично одетых людей, кто-то встречал своих близких, для других это была связь с внешним миром. И пока за поворотом водной глади не исчезал пароход, люди не расходились. Прогуливаясь по тротуарам речного вокзала, люди узнавали все новости. Кто пассажиром плывал на водном транспорте, должен хорошо это помнить. С появлением трассы Томск-Колпашево-Стрежевой передвигаться стало комфортней и быстрее, но по реке плыть, это же романтика, ощущение в душе, что плывешь куда-то в бесконечную даль.

1914 год.

Деревня отсеялась, отсадилась, на зиму заготавливалась дровами, люди занимались охотой и рыбалкой, сбором грибов и ягод, готовились к покосам. В июле 1914 года поползли слухи о том, что будет война с германцем.

Скоро страну взбудоражило ошеломляющее известие об объявлении войны с Германией. В деревне была непривычная тишина. Мужики, скручивая сигарки, курили, приговаривая, что, наверное, скоро придется залезать в шинелки и строем идти в маршевые роты. Вскоре стали разносить повестки по дворам. В некоторых дворах голосили бабы. На огородах в задворках дымили бани, где рекруты мылись и пили первач, «выгнанный» в этих же баньках. Вокруг них стоял сивушный запах самогонки и раздавались прощальные песни, в последний раз гуляющих с девками парней. Красивым голосом кто-то из хлопцев тянул:

Скоро, скоро нас оденут
И винтовочки дадут
В строй нас быстро всех поставят
И на битву отведут.

И вот целая орава призванных шла по селу с песнями, поклоняясь старикам и старухам, заранее прощаясь с односельчанами. Ведь многим уже никогда не придется увидеть ставшие родными места. Пожилой дед Маньков вслед перекрестил своего сына Иллариона и философски вздохнув, сказал, что смерть начинается с момента рождения, кому суждено, вернется обязательно. Дед был прав, Ларька, прошедший всю войну, вернулся живым и прожил всю жизнь в нашей деревне, часто с прибаутками, на которые был горазд, так же как и его отец. Надевал своих два Георгия когда по осени забирали в армию парней, также провожал своих сыновей, Николая и Алексея, как когда-то его отец. Николай отдал Тихоокеанскому флоту пять лет, а Алексей отслужил на восточной границе четыре года.

О своих земляках могу писать день и ночь, все то, что знаю. В нашей деревне всегда исполняли свой воинский долг с доблестью и честью.

Укатали подводы Свежегарцев и из других деревень, сел и городов, а дальше пароходами, по железке, где маршевые роты быстро формировали в полки, бригады и дивизии и везли на фронт. Вся Россия стала томительно ждать весточек от своих близких. Где-то уже раздавались причитания по погибшим.

Шел одиннадцатый месяц войны. Подгребли практически всех способных держать в руках оружие мужиков и призывного возраста хлопцев. Наступила весна, а затем лето. С фронта приходили весточки, что жив, здоров, или, что адресат находится в госпитале. Самое страшное, когда приходила похоронка, вся деревня вздрагивала, похоронки напоминали родственникам, что где-то далеко идет война и гибнут люди.

Но беда пришла внезапно в деревню.

Трагедия в наводнение

По разливу вода была большая, в соседней деревне Майково залило поля и всю низменность. Людей связывала только лодочная переправа. На базар в Наргу собралась большая группа людей, в основном, женщины, собрав в корзинки яйца, масло, словом, все, что можно продать. Женщины пошли через Поляковку на переправу в Майково. Их перевезли на другой берег, на сухое место и они пошли, вскинув на закорки содержимое корзинок, предназначенное для продажи. Среди женщин, шагающих на базар, была и Ольга Марченко, моя родная бабушка, жена деда Афанасия и мать моей матери. У них уже было две дочки. Старшая Евдокия родилась сразу же по прибытию в Сибирь, в 1908 году. А в 1912 году родилась вторая девочка, копия как мать, и назвали ее Паша, Прасковья по-русски. Все бы хорошо, но вот проклятая война забрала отца на фронт. И осталась Ольга, как и многие другие односельчанки и бабы из других сел необъятной России горе мыкать, да стоя на коленях и плача перед иконами, просить Божью мать сохранить жизнь своим мужьям. Перспектива незавидная, остаться вдовой со своим выводком, а детям остаться сиротами.

Продав на базаре свои продукты и купив на вырученные деньги необходимое, женщины отправились в обратную дорогу. Ничего не предвещало худого. Заплатили перевозчику, сели в большую лодку и отчалили от берега. На глаз было видно, что лодка перегруженная. Внезапно поднялся ветер, пошла встречная волна. Люди забеспокоились, а волна крепчала. Вдруг резко хлестнуло волной. Лодка накренилась, черпанула воды и перевернулась. Люди посыпались в воду. Кто сразу хватанул воды и пошел на дно, кто плыл к берегу. Ольга еще с молодости хорошо плавала. Рядом с ней плыла Аксинья Ларькова. Из семнадцати человек осталось пятеро или шестеро. Впереди появился затопленный куст. Ольга ухватилась за него, подплывшая Аксинья тоже ухватилась. По всему было видно, что куст двоих не выдержит. Аксинья взмолилась: «Ольга отдай мне куст, у меня пять детей, у тебя двое. Ради бога, пожалей моих деток!». Я не знаю, что двигало моей несчастной бабушкой, но она отпустила куст, и ее течением понесло, а вскорости не стало видно. Об этом поведала Ларчиха деду Афанасию и моей прабабке Лукерье, а также о том, что «всей жизнью в долгу перед вашей Ольгой». Говорила, что Ольга ей крикнула: «Тетка Аксинья, не забывай моих дочек. Передай Апанасу, что его любила и люблю. Пусть бережет наших детей».

Этой трагедии будет сто лет. Все это, мне, внуку давно погибшей бабушки Ольги с детства **рассказывала моя мать Жук Прасковья Афанасьевна**. Ольгу нашли зацепившейся косой за коряжину только через пять дней, когда стала спадать вода. Всех погибших похоронили. Прабабушка Лукерья забрала к себе девочек. Евдокия уже понимала, что мамку Ольгу закопали в землю, так говорили взрослые, а двухлетняя Паша ничего не понимала и постоянно звала свою маму...

После войны

Моя мать говорила, что смутно помнит вернувшегося с фронта отца: «Помню, как у батьки были черные шаровары с красным лампасом, отвисшие большие усы и пристегнутая сабля. Я у него сажу на коленях, а он меня гладит по голове большой шершавой ладонью».

Потом дед женился. Прабабушка Лукерья завела разговор: «Как же двор без хозяйки, вон девка справная у Михалкова Ходора». Ходора стала законной женой, родила дочь, которую называли Марией.

В пятнадцатом году похоронки уже посетили многие дворы в нашей деревне и вокруг лежащих деревень. Россию будоражили беспорядки. В некоторые дворы стали приходить солдаты из госпиталей, покалеченные, у кого ноги нет, у кого руки. Фронтовики рассказывали, что эта война в никуда и России она нужна как собаке пятая нога. День за днем прошел и пятнадцатый, вот уже на исходе и шестнадцатый год, а войне нет конца. В тайге стали рыть землянки дезертиры, которые, видя бессмысленность этой войны и оставив позиции, ушли с действующего фронта. А поздними вечерами они пробирались к себе домой. Вот так рождались дети, официально при отсутствии отцов.

Империя существовала, она была великой и все, что называлось «русским» котирировалось на мировых биржах и рынках. Казалось, что империя российская нерушима. Мир еще не знал, что империя доживает последние дни. Разлад и хаос был наяву. Сплошные неудачи на фронте, голод в больших промышленных городах, в деревнях нехватка мужских рук. Все эти невзгоды слились в одно. Целые полки при оружии оставляли позиции и этим же оружием прокладывая себе путь, пробираясь к своим семьям. Наступающий семнадцатый год принес большие перемены. До деревни дошли сведения от приехавших фронтовиков, что в стране происходит революция, царь отрекся от престола, а власть взяло временное правительство. Что призывают вести войну до победного конца, что подданные называются гражданами.

Как бы там ни было, а жить надо, надо растить детей. Деревня потихоньку обвыкла и приспособилась к новым властям. Как будто ничего и не случилось. Каждый день возвращались домой фронтовики, и, пображничав, стали с охотой готовиться к посевной. Весной потянулась перелетная дичь. Охотились на диких уток, гусей, которые плюхались прямо в разлившиеся лужи и, крикая, играли в свои свадебные игры. Подстрелить пять-шесть уток не составляло труда. В деревне у каждого были свои ружья, берданы, двустволки и к ним боеприпасы. Деревня ожила, молодежь опять по ночам жгла костры, водила хороводы, лихо отплясывала под гармошку. Вернувшиеся с фронта мужики работали по двору, на огороды возили навоз, делали грядки, начали поднимать зябь. Запах свежеспаханной земли дурманил голову. Все выходцы из сельской местности это поймут. Мы все деревенские дети помним ни с чем несравнимый запах свежеспаханной земли, я даже сейчас его ощущаю.

Вскоре стали сеять рожь, пшеницу. Деревня жила обычной жизнью. Иногда приходили с фронта письма, что он трещит по швам, солдаты устали и не хотят воевать, а хотят с германцем замирения, «штык в землю и по домам». Июльское наступление, организованное временным правительством, захлебнулось. Керенский ввел смертную казнь, чем вообще настроил окопников не подчиняться приказам. Назревала революционная ситуация. На фронте верховодили большевики, избранные в солдатские полковые комитеты. Близилась схватка бедных и богатых.

В августе потянуло прохладой с севера, начал желтеть лист. В Сибири погода бывает разной, удивительно бывает разной. Сентябрь выдался теплым, бабы на своих полях вязали снопы, сушили и свозили на гумно, где цепями из колосьев выбивали зерно. Заготовка хлеба шла полным ходом. Копали картошку, кончалось бабье лето, на пороге стояла осень, а там и зима. Бабы были рады радешеньки, что их мужики, хоть и пораненные, покалеченные, но живые, глядят по головам своих подросших детей. А в другие дворы хозяева уже больше никогда не вернуться, не обнимут жен и детей-сирот.

В начале ноября пришли с фронта Малах Жук, Захар Жук и много других односельчан. Пришел кавалер георгиевских крестов есаул Марченко Афанасий Павлович, которого как имевшего образование, определили в артиллерию. Когда лопнул Рижский фронт и все на глазах у начальства побежали, фронтовые офицеры тоже направились по домам. Дед Афанасий рассказывал своим детям: «Иду по Петрограду с земляками-фронтовиками, смотрим, люди бьют какие-то витрины. Подошли, а бабы тащат из витрины какое-то зерно. Прочел записку, что это выставочное отборное зерно. Я взял небольшой снопик с крупными колосьями зерна и положил в солдатский мешок. И тут

меня погоны и кресты чуть не подвели. Проходивший по улице патруль арестовал нас всех, а мне еще, как офицеру, по морде дали, что говорят, кресты нацепил. Все, отменили кресты и погоны, Ваше благородие. Земляки заступились и объяснили матросам, что я простой крестьянин, что за грамотность мне и присвоили офицерский чин. Но патруль отнесся с недоверием и нас отвели в Смольный, в караулку. Стали проверять содержимое мешков и с удивлением увидели замотанный в тряпку сноп с зерном. Я объяснил, что хочу вывести новую селекцию пшеницы. Доложили Свердлову, он сказал, что такие грамотные люди нужны и выдал мандат на беспрепятственное продвижение есаула Марченко до Томской губернии. Только посоветовал снять погоны, чтобы в дороге не подстрелили, что я и сделал. В целости и сохранности привез этот сноп в Свежегарь».

После гражданской войны дед действительно вывел сорт пшеницы с густым крупным колосом и морозоустойчивым корнем.

Советская власть и Гражданская война

В Молчаново в управе вывесили красный флаг и выбрали из сочувствующих активистов и политических ссыльных уездный комитет трудового крестьянства. Иногда по ночам постреливали, ведь с фронта принесли много оружия. Весной прошел слух, что в Забайкалье объявился атаман Семенов и поднял Даурских казаков. Советская власть стала призывать на Забайкальский фронт добровольцев. Революционные войска к осени 1918 года разбили семеновцев и загнали казаков на Монгольскую территорию. Японцы высадились во Владивостоке и с собой привезли царского адмирала Колчака. Антанта снабдила его деньгами и обмундированием. Пали Иркутск, Чита, Хабаровск. Где проходили Колчаковцы, повсюду был террор, море слез, вдоль железной дороги - виселицы, виселицы и еще виселицы. Жестокая расправа была в Красноярске дошла и до Томска, советская власть пала в Новониколаевске и Омске, в котором Колчак сделал себе столицу, а себя произвел в верховные правители. Сибирь была залита кровью.

Быстрые перемены коснулись и Молчановского уезда, стали прибывать эмиссары из Томска. В деревнях вывесили грозные приказы, где говорилось: за неисполнение - расстрел. Объявили мобилизацию в Колчаковскую армию. Деревни опять залились слезами. Мужики и молодые парни с котомками шагали по большаку на сборный пункт, а затем на заполненный до отказа пароход. В этой людской толпе были и свежегарцы.

По пути подбирали новые команды мобилизованных. Утром рано, ровно через сутки, подходили к пристани губернского города Томска. Пешим строем передвигались в сторону Красных казарм, где вовсю шла воинская выучка, формировали роты, батальоны, полки Томского гарнизона. Это был кризис в России, в который началась гражданская война, и кровушки пролилось в братоубийственной бойне не меряно. Бравурные марши играли каждый день, увозя новые полки в Зауралье, где шли с переходным успехом бои между красными и белыми. Стратегический успех был у белого движения. В армии Колчака было много царского состава с большим фронтовым опытом, были созданы целые офицерские полки, которые лютовали на фронте и в тылу. Люди с ненавистью смотрели этим воякам в лицо. Мужики сплачивались в отряды в Колчаковском тылу, которые быстро становились воинскими коллективами.

В Молчановском уезде стали выявлять лояльных к власти Советов, пошли аресты, пытки и даже расстрелы. Мужики-фронтовики собирались в артели, уходили в леса, в тайгу. Вот таким отрядом ушли в тайгу и Свежегарцы. Сделали землянки, норы, схороны. Тактика была не боевая, а, скорее, отсидка в лесу до лучших времен. Выбрали старших, ими стали Федор Аксиненко, Марченко Афанасий и Жук Малах.

По рассказам моей бабушки Дарьи, мужики ловили рыбу, заготавливали дрова для своих дворов, гнали из пихты смолу или деготь, разводили пчел. Вечером, по темну, приходили домой, делали по хозяйству дела домашние, ночевали дома, все как положено. Бабушка смеялась, что все, кто родился в 18, 19 и в начале 20 годов, это дети лесовиков. А другого выхода не было, иначе, по тихой облаве, попадали в руки тыловым командам и их быстро увозили на сборные пункты армии Колчака.

Вот это случилось летом в девятнадцатом году. Молодые парни, не послушав старых фронтовиков, а возраст их был призывной, ватагой отправились на вечерку к девкам, а их там поджидали вместе с полицией рекрутисты. Окружили молодежные танцульки и устроили облаву. До самого следующего обеда возили со всех окружающих деревень молодых парней, захваченных прямо во время кадрили. Сразу на пароход и под охрану. К вечеру пароход отчалил от пристани, глубоко осевший почти под ватерлинию. Где под нижними палубами стоял вой, прощавшихся с родственниками рекрутов. Сколько молодежи попало под облаву можно судить, если из нашей Федоровки взяли около 70 человек. Бабушка говорила, что кого нахалом забрали на войну с Советской властью в Колчаковское войско, никто не вернулся. Где-то сгинули молодые ребята в этой братоубийственной войне.

После этого случая по деревням сделали конские разъезды. И пуля даже днем поджидала белогвардейских рекрутеров. Власть поначалу была обнаглевшая и уверенная в своей ненаказуемости, а после этого поприжала хвосты, зная о том, что живет в Сибири, а хозяин здесь медведь и тайга. Можешь пропасть и концов не найдешь.

К глубокой осени деревня убралась на полях, засыпала в амбары зерно, выкопала картошку и приготовилась к зиме. Поползли слухи, что по всем фронтам Советы берут верх. На юге разгромлен Деникин, а Колчаковский фронт откатывается по железке на восток. Участились факты дезертирства. Стали возвращаться мужики, кто-то по ранению. Рассказывали о зверствах Колчака над рабочими, что живьем сдирали с людей кожу и резали на спинах звезды.

Зимой прошел слух, что Томск освободили части Пятой армии. Красная армия погнала на восток Колчаковские войска. В Томск вошли войска Красной армии. Госпитали были завалены ранеными и тифознобольными. Быстро восстановили Советскую власть. Город был в удручающем виде. Гражданские власти стали наводить порядок. Органы ВЧК стали вести расследование зверств, убийств, расправ. Отряды ЧОН преследовали оторвавшиеся от основных отступающих сил армии Колчака разрозненные отряды. Такие люди появились и в Молчановском уезде, спрятавшиеся среди местного населения, эти люди притаились, переженились. Благо, что война за шесть лет наплодила много вдовушек, которые по зову природы тянулись к мужскому обществу. Совершенно не думая и не разбираясь, что это может быть притаившийся враг, принимали, лишь бы был под боком мужик и работник. А детки, детки будут!

Много вернулось мужиков, воевавших в Красной армии, их сразу же Советская власть ставила на гражданские должности. Вот председателем сельсовета поставили Саросек Павла Тимофеевича, который пришел уже весной по ранению. Было прострелено легкое, он часто истошно кашлял и по документам был полностью освобожден от воинской службы. Создали актив бедноты и середняков. Все мужчины, которые скрывались два половиной года в лесу, вернулись домой и принялись активно участвовать в деревенской жизни, выполняя директивы Советской власти.

Маузер

К моему деду Малаху приехал зять из Томска, муж сестры Маруси, работающий органах ВЧК оперуполномоченным. Всех, кто отсиживался в землянках в тайге, скрываясь от мобилизации в Колчаковскую армию, вызывали в Сельсовет. И после расспросов выдавали справку как участнику сопротивления Колчаковскому террору. Мой родственник был любитель выпить. Вечерком, отпивши самогону, он уснул. Оставил на скамейке маузер и шашку в деревянной кобуре. Моему отцу шел десятый год. Вытащил из кобуры маузер, затем вместе со своими дружками зашел в кусты болота возле дома дядьки Моисея, где они стали стрелять из боевого оружия. Как еще кого шальной пулей не подстрелили.

Чекист проснулся, а маузера нет. В это время за утерю личного оружия, да еще при исполнении – расстрел. Он от ужаса взмолел. И давай искать вместе с моим дедом. Дед смекнул, что оружие спёрли его сынки и что ему тоже не поздоровится. Он быстро

подозвал моего отца и ласково так: «Ваня, ты не брал из этой деревяшки большой наган? Ваня, не будь дураком, сразу же парировал, нет, татка, ничего не брал, ничего не видел, ничего не знаю. У деда руки затряслись. Дед знал, что Ваня покуривал, приворовывая у батеньки самосад. У деда в глазах стояла глубокая тоска, он понял, если сейчас они не найдут оружие, то зятю Ефиму будет трибунал. Дед попросил Ивана: «Ванька, дай закурить!» Ваньке ничего не оставалось делать, глядя на подавленного отца, из-за пазухи достал пакетик и подал отцу. Отец скрутил толстую с палец самокрутку, жадно затянулся. Ваньке стало очень жаль бедного родителя. Он тихо сказал: «Я взял, и мы с хлопцами по кустам расстреляли все патроны в Моисеевом болоте». Дед взял сына за руку, поцеловал в лобик и сказал: «Ладно, Ванька, кури открыто, а то пока прячешься, еще хату спалишь». Пошли на болото и Ваня отдал маузер отцу. Дед принес оружие зятю Ефиму. Тот быстро засобиравшись, вскочил на оседланного скакуна и быстрой рысью ускакал по большаку в Молчаново. Мой отец всегда рассказывал эту историю, смеясь, и все тоже смеялись. Бедный чекист больше никогда не приезжал к нам в гости. И тетка Маруся, когда приезжала к нам, на меня смотрела с особым подозрением. Не знаю, что ей такое наговорил благоверный, но только когда мой батя заходил в дом, она всегда держала возле себя черную сумочку.

Жизнь становилась более умеренной, люди стали привыкать к обычной жизни. По улицам бегала ребятня, а детей в каждой семье было самое малое четыре. Если три или два, то это считалось ненормальным явлением и поводом для пересудов у баб около колодца. На завалинках и около колодцев решались все проблемы деревни, а также в масштабах уезда, губернии, страны. В то время новости доходили с большим опозданием. Единственная связь – это почта, зимние санные и летом гужевые обозы по тракту вдоль Оби. Из Томска стали заезжать просветители, которые организовывали передвижные театры. Для населения это было в диковинку. Ликбезы начали учить грамоте все сельское население.

Социально-экономическая жизнь была отражена в единоличных хозяйствах, появились крепкие хозяева. В Сибири как таковых кулаков не было. Кто не ленился, у того была полная чаша. А кто ленился, и такие были, я еще в детстве своем захватил таких хозяев, в их дворах жили бедновато. Вот поэтому в основном все стремились быть справными хозяевами. Да и Советская власть приветствовала такие дворы. И, как правило, в этих семьях было много детей. Вот у моих дедов Афанасия и Малаха было помногу детей.

Школа. Сельсовет. Больница.

В 1925 году где-то на купеческой заимке нашли большой двухэтажный дом, его по зимнику перевезли в Федоровку и на красивом месте поставили школу начальную на четыре класса. К 1 сентября из Томска прислали учителей, мужа и жену. Им на первом этаже отвели квартиру. В этой начальной школе учились и наши родители, и наши старшие братья и сестры. И мы, послевоенные, в ней учились, и ваш покорный слуга начал изучать букварь, грамматику, азы арифметики и родную речь. Школа была ухоженная. Были посажены елки на территории ограды школы еще первыми учениками в двадцать пятом году, газоны с цветами, кусты смородины, черемухи. На взгорке был школьный огород. В 1926 году построили магазин, до этого в деревне магазина не было. В селе Тунгусово также построили большую двухэтажную школу, но уже среднюю, где я также в ней учился. Тунгусово стало центром хозяйственным, культурным, образовательным, с административным органом Сельсовет. Так что близлежащие деревни были объединены в один Сельский Совет с центром в селе Тунгусово. В Тунгусово была создана довольно крупная база под названием кооперация, а сокращенно Сельпо, оно и сейчас выполняет свои функции.

Напротив Сельпо построили Тунгусовскую больницу на 80 коек, было и амбулаторное лечение. В это же время уезд переименовали в районное отделение, образовался Молчановский район. За Федоровкой через пять километров возникло

небольшое поселение, созданное по инициативе Молчановской кооперации, ему дали название «Сильповское», где, по рассказам стариков, жили очень привольно. Жители, это были охотники и сборщики дикоросов, занимались приемкой выделанных шкур и шкурок с мелких зверьков. Было замораживание и хранение рыбы в естественных холодильниках. Население было небольшое, всего около 45 дворов. Этой деревушки давным-давно нет, еще в пятидесятые годы она перестала существовать за ненужностью районной кооперации. А вот то место до сих пор называется «Сильповским»⁴.

В конце двадцатых годов пошел слух, что все единоличные хозяйства будут в одно общее сводить. И будет это называться коллективным хозяйством, то есть колхозом.

Коллективизация

В деревни зачастили агитаторы, которые объясняли, что в общем хозяйстве будет легче работать. Что по деревням вход в колхоз дело добровольное, а кто будет мешать и вредить процессу коллективизации, будет считаться классовым врагом Советской власти. И с ним будут поступать как с врагом народа. После роспуска НЭПа в стране быстро стали переходить на рельсы индустриализации. На Украине стала разворачиваться большая стройка Днепрогэс. Партийным съездом было принято решение вывести страну из аграрной и отсталой в передовую. Для этого нужно было создать мощные коллективные хозяйства. Во время Великой Отечественной войны это решение оправдало себя полностью. А единоличные хозяйства были бы не в состоянии прокормить все пожирающие потребности многомиллионного фронта. И прокормить в глубоком тылу коллективы заводов, которые ковали оружие для фронта. Но это будет потом, а сейчас это могущество нужно выстрадать и создать.

Активизировались затаившиеся отступенцы колчаковской армии, которые вышли из лесных схоронов под видом помощи деревням в обучении грамотности и всех культурных подвижнических мероприятий, проводимыми органами Советской власти. Просочились недобитые белогвардейцы. Как правило, они были практически все грамотные, и наносили на самом деле большой вред. Кулачество вообще было как явление очень опасное, также активно вредили из-за угла, отговаривая крестьян вступать в колхозы. Было все. Участились поджоги сена, хлеба, отравления скота, птицы. Люди, вступившие в колхозы, боялись угроз, физической расправы.

В 1931 году был создан колхоз из близлежащих деревень с центром в с. Тунгусово и назвали его «Колхоз имени Сталина».

Банды

В колхозных дворах начал пропадать скот. Этим делом занялась Молчановская милиция и органы ОГПУ. Бандиты были неуловимы. Стали пропадать молодые девушки, потом их находили истерзанных.

Мой отец рассказывал: «В 1930 году мне было 18 лет. Я еще был холостяком и в созданном колхозе назначили меня пасти жеребят. Весна, река Татош разлилась, я в лагуне сделал шалаш, развел костер. Посматриваю, чтобы жеребята не разбредались, и варю уху. Вдруг сзади подходят четверо человек с винтовками. Лица наполовину завязаны платками. Поздоровались, спросили, кто таков. Я ответил, что пасу жеребят колхозных. Который был постарше других, спросил, добровольно вступил в колхоз, или же заставили. Я ответил, что батяня отвел скотину и двух коней. Попробуй не отведи, хуже будет. Ну и мы всей семьей. Один из них сказал, я его знаю, это Иван Жук, сын Малаха Жука. Он правду говорит, не отведешь животину, хуже будет. Мне показался голос знакомым. Я потом узнал, что это наш мужик, из нашей деревни. Старший из этой четверки сказал, что будешь нам жратву носить, и курево. Если где-то болтанешь, тебе крышка. Вот и носил, и всю жизнь молчал. Потом их через пару месяцев арестовали

⁴ Так в тексте

чекисты. Выяснилось, что их разоблачил наш односельчанин, Матвей Сарасек. Они хорошо устроились, днем в Сельсовете под красным знаменем, а ночью на коней, и орудовали в округе. Когда он в Молчаново рассказал ОГПУшникам, то ему не поверили. В ОГПУ был «крот», он сообщил в банду. Матвея начали преследовать. Он шел вдоль реки и около Никольска его чуть не схватили. Отсиделся в болоте, прикрывшись кочкой. Добрался до Томска и сообщил в ЧК о злодеяниях этой банды. Внезапно нагрянувшие сотрудники ЧК застали банду врасплох. При перестрелке многие были убиты, кто застрелился сам. Вот так была ликвидирована банда в нашем районе».

Становление колхозов и раскулачивание

Становление в нашем обществе коллективных хозяйств было явление новое и для многих непонятное. Мужики рассуждали кто как. Все своди в один общий двор, а у некоторых дома даже заезженной клячи нет, а он будет моими конями руководить. Эти разговоры я слышал своими ушами, но нам, детям послевоенным это казалось далеким прошлым. Еще в некоторых дворах появились веялки с ручным приводом. Это считалось чудом техники, не надо было вручную на ветру трясти ситами. Жатки на конной тяге заменили тяжелейший труд, не надо согнувшись в три погибели женщинам целый день махать серпом, а мужикам косить хлеб косой. Или же такое техническое новшество, как молотилка с ручным приводом, которая хорошо выколачивала из снопов колосья, выколачивая зерно без всякого побочного мусора, дикорастущих сорняков. Стали быстро переходить на ременный шкиво-механический привод. Эта техника мне хорошо знакома. Ставили трактор, колесный Фардон⁵. Запускали двигатели, где на общем валу находились маховики, такие же были и на механизмах вышеуказанной техники, и ременной передачей одетых на маховики веялок, жаток, молотилок, и на маховики привода. Все приходило в движение, освобождая человеческие руки от тяжелого труда. Техника работала на конечный результат – это зерно в гуртах. А люди были операторами по обслуживанию этой сельхозтехники. Мы в детстве постоянно крутились около этих механизмов. Чтобы запастись горохом, семенами льна, подсолнуха, конопли. В это время спокойно сеяли коноплю, из которой делали конопляное масло. А насчет наркотиков, даже слово такое не знали, что это растение станет запрещенным, и с ним будут бороться все правоохранительные органы как со злом человечества. Мы с детства знали, что по зерну нельзя бегать, что это большой грех. Что хлеб – это первый продукт нашей жизни.

Придя в колхоз, люди поняли, что совместно работать легче. В колхозе была введена единица финансового поощрения за свой труд, названная «трудодень», по факту оплаты труда натурального трудового участия за месяц продуктом, который сам создаешь или же производишь. Денежный расчет – это уже пошел с начала шестидесятых годов. Были премии ударникам труда как поощрение. Награждали отрезами тканей, посудой и прочими бытовыми принадлежностями, грамотами. Были и такие, которые за свой ударный труд получали государственные награды – ордена и медали.

Первые колхозники работали с усердием, но было и вредительство. Органы ОГПУ не успевали раскрывать кулацкие заговоры. По решению Центра, для тех, кто вредил Советской власти, были приняты карательные меры, которые, к сожалению, быстро переросли в форму доносов. И много, много попало под эту метелку невинных людей, в том числе и мой родной дед Марченко Афанасий Павлович.

Дед собрал все свое большое семейство, у деда было крепкое хозяйство, и объявил, что мы входим одни из первых в колхоз со всей своей живностью. Вносим семьдесят колодок пчел, двух коней, две нетели, свиней, овец. Домашние плакали, но наутро повели в общий загон всю скотину. **Из слов моей матери, Прасковьи Афанасьевны:** «Батька нам всем сказал, что вы видели, как по большаку идут целыми партиями со своим

⁵ Так в тексте. Имеется ввиду трактор «Фордзон», выпускавшийся на путиловском заводе.

домашним скарбом с маленькими детьми раскулаченные люди с Алтая, с Урала, с центральных областей под конвоем. Если мы этого не хотим испытать, так лучше в колхоз вместе со всей деревней. Каждый взрослый написал заявление. На общем собрании избрали председателя колхоза из местных, который пришел в красноармейской форме, знаю, что по фамилии Саськов. Деда избрали агрономом, а его товарища по Америке Аксиненко Василия Михайловича ветеринарным врачом. Заведующим колхозной фермой Аксиненко Кирилла Андреевича. Вот это было первое правление колхоза».

Экономическая политика раскручивала маховик индустриализации, коллективизации. По всей стране шла культурная революция, это борьба с безграмотностью и бескультурьем уклада, укоренившейся бытности Российского народа. В борьбе с религией и сносом храмов наломали много дров. И это в дальнейшем вылилось в предательство, люди шли в услужение фашистским оккупантам. Но их был малый процент, а патриотов своей страны было все девяносто восемь процентов населения. За десять лет появился класс, который назывался Советский народ.

Могочинский лесозавод

Еще в конце двадцатых годов по правую сторону Оби стали возводить лесопильный завод. Стране требовалось много леса, пиломатериала. Потребности в этой продукции возрастали с каждым днем. В Новосибирске приняли решение создавать лесоперерабатывающую и перерабатывающую отрасль.

В те же двадцатые годы Томск потерял статус губернского города, область вошла в Новосибирскую. Это произошло из-за отсутствия железнодорожных коммуникаций и до сих пор по железке до него можно добраться только через узловую станцию Тайга по проложенному стокилометровому аппендициту. Говорили о том, что томские купцы из-за коммерческих выгод подложили мину экономического развития, за взятку Транссибирскую магистраль проложили на сто километров левее и все грузы пошли через небольшую деревню, где как на дрожжах стал развиваться Новониколаевск. Томск стал быстрее хиреть и превратился в заштатный город со своей богатой славной историей и первым университетом. Только в военное время при эвакуации заводов, госпиталей, госучреждений Томску вернули статус областного города.

С высокого яра Нарги простиралась, глазом не окинешь, пойма Оби. Особенно весной все заливало водой. А по самому берегу Могочино, где берег низкий, кипела работа, возводили дамбу. Сотни людей возили и укладывали кругляк в срубы, делая пристань для вновь созданного рабочего поселка. С берега Нарги был виден возводимый завод. Уже были видны очертания цехов, обустройство канала, по которому прямо с реки загоняли кругляк, цепляя баграми, сортировщики. Все подвозили в основном на конной тяге. Народу было много, все кругом кишело от снующих в работе туда-сюда людей. Люди здесь работали разные: осужденные, приехавшие по вербовке, гонящиеся за длинным рублем бичи, направленные по комсомольскому призыву, партийные работники, возглавляющие бригады строителей на трудных участках. Были в этом муравейнике и местные жители из пришедших на заработки окрестных деревень, в основном, молодые парни и девушки. В то время живые деньги платили только на стройке и, по рассказам наших родителей, неплохие. За зиму можно было заработать на корову, коня и в Госпаре купить новую одежду. Могочино быстро рос домами, улицами. Отгрохали большой двухэтажный дом культуры. Построили большую заводскую столовую, стадион, общественную баню, больницу, большой базарный рынок, магазины, школу начальную на Обской улице, а также в центре восьмилетку. Кинопередвижка работала постоянно. Быт и условия проживания налаживались. Многие из нашей деревни остались здесь жить, переехав на постоянное место жительства в Могочино, т.к. в то время там было первое государственное производство. И зарплату платили деньгами, которых так не хватало колхозникам. Быстро растущий рабочий поселок слыл в округе богатым поселением. И вся округа везла по воскресеньям на базар молоденьких поросят, курей, уток, гусей, продукты и даже крупнорогатый скот. Ведь после разгромной статьи И.В. Сталина

«Головокружение от успехов», в которой он раскритиковал неоправданное раскулачивание, когда за усердие отчитаться перед властью о проведенной коллективизации была сведена вся живность с крестьянских дворов. Сталин прямо сказал, цитируя русскую поговорку: «Заставь дурака богу молиться, весь лоб разобьет». В дальнейшем эти исполнители стали во время репрессий штатными осведомителями НКВД, и много невинных людей пострадало, а многие жизни лишились, попав под жернова беззакония с клеймом «врага народа».

После статьи Сталина стали разбираться на местах, и многих отпустили назад в сельскую местность, а селянам разрешили держать свое подворье, то есть всю живность, кроме лошадей. Лошадь в начале коллективизации была главной транспортно-гужевой силой.

Колхозный труд

В колхозах трудовые коллективы поделили на бригады. В нашем колхозе было шесть бригад. Фамилии первых бригадиров не знаю, а вот послевоенных знаю многих, потому что сам с ребятами катался на бричках, на которых возили горючее и смазочные материалы для работающей в поле техники. Мы, дети, вымазавшись в мазуте как чертенята, были счастливы, что нас взрослые дядьки не прогоняют, а еще дают подержать вожжи, где мы, воображая себя взрослыми, понукали коней со словами «но, пошла», помахивали кнутом или бичом. До сих пор помню тот запах пропитавшей все мазуты и скрип бричек. Для жителя города это не понятно, что за радость прокатиться на телеге. А нам, деревенским детям, это было близко и дорого. Ведь в поле работали наши родители, старшие братья и сестры. А вся деревня – это свои люди, которые все знали про тебя, и ты про всех. Народ тогда жил одинаково не богато, но все были веселы. На работу ехали с песней, и с работы с песней, кругом были шутки, прибаутки, подтрунивание друг над другом. Но никто обиды не держал. Конечно, были и ругани, и драки, а что за гулянка в деревне без драки, так себе, рядовое событие, а если была драка, то эту свадьбу будут помнить долго. Мы еще рвались на поля, потому что каждая бригада обязана была содержать пасеку. Выбирали живописные открытые места, где-нибудь около озера на поляне. Пасечники, как правило, были пожилые деды. Они увидят ватагу детей, обязательно ухой накормят, медом свежим. И мы с удовольствием крутили ветрогонки. Это такая бочка, в которую вставляют сотовые рамки, наполненные медом. Крутишь редуктор специальной ручкой, при вращении воздух сдавливает мёд, и он стекает вниз в бочку, а затем сливают в общую огромную бочку в человеческий рост. Вот по бригадам собирают этот мед и сдают государству в Сельпо. А за эту продукцию колхоз для нужд хозяйства на свой счет получал живые деньги.

Еще мы любили бегать на культстаны. В каждой бригаде были поставлены дома, где трактористы и все работающие на полях отдыхали после смены. Там варили еду, кормили, все было свежее и натуральное. Тогда про всякие красители и слыхом не слыхивали. Возили кино, передвижку. Молодежь устраивала танцы.

Это целый пласт Советской эпохи, романтично-героическое время, но об этом периоде тридцатых, военных и послевоенных лет мало что сказано, а в последнее время, в основном, только о жертвах репрессий. Правдиво все показано в кинофильме «Трактористы», но многие фильмы того времени наиграны под идеологию.

Пишу, а перед глазами моя деревня. До сих пор помню лица пожилых женщин, стариков - подтянутых, с усами и бородками. Ведь они живые свидетели, сами участники переселения, становления деревни, революции, коллективизации. И глубоко пережитой войны. И все эти лица сняты во сне, так четко вижу своих односельчан. Наверно потому, что во сне я вместе с ними проживаю ту жизнь, в которой было и мое место, которое называется Родиной.

Как говорила **бабка Ховронья**, сестра моего деда Афанасия, время было как пасмурное утро, затянутое в нависшую черную хмару, где ты не знаешь когда на голову

обрушится дождевой ливень. И невзгоды, шагающие в ногу вместе с бедой и горем, также преследовали жителей того времени.

Воспитание нравственности

Весенний запах свежевспаханной земли знаком каждому деревенскому жителю с малых лет. Воздух пьянит и будоражит молодежь на многообещающую любовь. В это время старики сидят на завалинках своих хат, они даже летом в пимах и шапках, ведь кости ломит от нажитого временем ревматизма. И старухи, одевшие длинные широкие юбки, с чепцами на голове и при пожизненных фартуках, вглядываясь подслеповатыми глазами и узнавая по обличию прохожих, кто из какого рода, и с какого двора. И не дай Бог этим прохожим не поздороваться и не поклоняться. К вечеру у хозяина двора будут большие неприятности по поводу плохого воспитания своих домочадцев. Такое неуважение к старшим передавалось по всей деревне на высоком крыльце недавно построенного магазина, и бабами мгновенно разносилось, как сводки информбюро местного пошиба во все уголки Свежегари. Нравственность была в чести благодаря старшим поколениям. И спасибо этим людям, которые вгоняли в нас эту нравственность почти с пеленок, где словом, где хворостиной, вперемешку с ремнем, стойкой в углу и прочей воспитательной экзекуцией. Когда это почувствуешь на своей шкуре, сам потом передашь процесс воспитания своим детям и внукам.

Я это пишу подробно, потому что сам перенес эту преемственность поколений наяву, уже в 1959 году. Осень, октябрь, я, одетый во все школьное, на голове лихо заломленная школьная фурага, ремнем перепоясанная гимнастерка, форма мышинового цвета, добротные ботинки, а за спиной черный квадратный ранец. И кличку мне уже навечно приклеили «Стальмак». Ну чем не солдат? Месяц уже проходил во второй класс. Иду мимо дома деда Малаха, а около их дома была низина и вечно стояло болото. Лед сковал болото. Вышла моя бабушка Дарья из дома и давай мне грозить самодельной тростью, которая называлась «цапок». Я уже искупался, пробив каблуком лед. Ботинки-то должны пройти испытание, хоть и новые. Я выскочил из воды, поздоровался, как положено с родной бабкой. Баба Дарья легко огрела меня этим цапком, а потом достала из платочка целый полтинник. А это, по тем временам, для такого жульмана, каким я был в детстве, целое состояние. Деньги она получала за погибших на войне сыновей Петра и Николая. Назвала меня шкарцем, что имело такое непоседливое значение, и сказала: «Беги быстрее в школу, пока не простыл». Я поцеловал руку своей бабушке, сказал спасибо и побежал в школу. Да заодно попросил бабушку, чтобы она не рассказывала моему батьке, как я искупался. Она промолчала, как известно, молчание – знак согласия.

По дороге, в переулке на завалинке сидит дед Ефим, вот фамилии не помню, сидит, опершись на трость. Я быстро поздоровался, дед ответил кивком и сказал: «Здорово были, хлопчик». Тут меня переполнило всего, в голове быстро пронеслись поэтические строчки, и я на одном дыхании выдал свой стих:

«Здравствуй, дед
Здравствуй, Пим
Здравствуй, дедушка Ефим»

А его почему-то все звали Пимом. Дед крикнул, а я уже бегом побежал к видневшейся школе. Только забежал в помещение, зазвенел колокольчик. После занятий ко мне подошел старший брат Петя: «Тебе сёдни будет за Пима». Иду к дому, ноги подкашиваются. Захожу во двор. На крыльце сидит дед Ефим, опершись на свою трость и мой батя, весь красный, нервенно перебирая в руках волосяное путо. Мать стоит поодаль, вытирая фартуком слезы. Батяка мой хватить меня за рукав и давай охаживать путом. У меня из глаз посыпались градом слезы от жгучей боли. Я взвыл от волосяного пута, прося отца: «Папочка, родный, больше не буду». Дед Ефим встал и поковылял на улицу, чтобы рассказать о виденном факте воспитания всем известного Стальмака. Отец бросил путо и со злом сказал: «Надо же, так деда оскорбил. Целый стих сложил. И кличку его назвал». Я после этого недели три не мог на заднице сидеть, так было больно. Но урок, преподанный

моим родным батькой, помню и поныне. Все правильно. Вот так и нужно из головы выбивать дурь, особенно таким жиганам, каким был я. А моя бабушка меня не сдала отцу, наверное, заранее предчувствуя, что я сегодня что-нибудь отмочу.

Бедные мои родители. Сколько они за меня краснели на всяких родительских собраниях, где меня одновременно и ругали, и тут же хвалили за то, что я читал много книг и был не по годам развит в литературе и истории. Ведь потом мне все пригодилось в армии, где я писал на заказ своих сослуживцев любовные письма, которые они посылали своим девушкам. Мне было достаточно описания предмета любви, роста, цвета глаз, волос, голоса. Ну а дальше дело техники, там такие романы завязывались, что сразу после дембеля, взяв за руку, шли в ЗАГС. Я своей жене за службу написал огромный чемодан писем и после демобилизации сразу же женился.

А воспитание – это жизненный капитал и нравственность, это не просто так, а большой жизненный опыт, передающийся в семейственности от отца к сыну, от матери к дочери.

Репрессии

Шествие построения колхозного строя по стране подходило к завершающей фазе. Мои родители обвенчались в Молчановской церкви почти предпоследние, летом в 1932 году. **Мать рассказывала:** «Мы едем на тройке в тарантасе в деревню, а поодаль идут со скарбом и с маленькими детьми раскулаченные, идут в заболоченные лесные места нашей области, в соседний Чаинский или Колпашевский районы. Вот так на границе с Чаинским районом в нашем районе появились поселки **Прогресс, Пригородное и Трудовик**, заселенные спецпереселенцами с центральных областей. В целом коллективизация состоялась. Но началось гонение на религию. Стали арестовывать представителей духовенства. В этом же 1932 году закрыли и Молчановскую церковь и как все культовые здания превратили в склады хранения зерна, что характерно, на башенках оставили кресты. А батюшки справляли культовые обряды практически в полуподпольном состоянии. Некоторых вообще арестовали. Моя мама говорила, что чтобы обвенчаться, брали разрешение в сельсовете, что во время процесса свадьбы над головой моей и твоего отца играли два скрипача на скрипках. Такое могли себе позволить только состоятельные люди, но моя бабка Лукерья на этом настояла, сказав, что своих внуков я буду выдавать замуж так, как было заведено в нашем сословии. И как выдавали замуж меня мои родители. После венчания и проведения свадьбы она имела разговор в органах ОГПУ, где ее предупредили, что старорежимные обряды, связанные с венчанием чреватые и могут носить нежелательные последствия. Все это и отпрыгнулось при аресте на моем дедушке Афанасии.

В 1933 году родилась моя старшая сестра Анна, вот ее, почему-то, в сельсовете записали Жуковой. У нас в деревне это было часто, кого писали «Жук», а кого и «Жуковым». А с сельсоветом спорить, наживешь неприятности. В то время, как известно, наступила эпоха репрессий, и управлял этой посадочно-карательной машиной председатель ОГПУ Ягода. Много он невинных душ загубил, но и самого впоследствии расстреляли.

С весны 1934 года резко обострилась классовая борьба, во многом, благодаря доносам. Люди дошли до того, что в кругу семьи боялись сказать что-то такое, за что можно загреметь под фанфары надолго, или же бесследно и навсегда. После посевной колхоз имени Сталина стал уже твердо становиться на ноги, и для колхоза ничего не предвещало никакой беды. Хотя газеты пестрели от множества, откуда ни возмись, всевозможных врагов народа.

Ночью приехали чекисты и арестовали моего деда **Афанасия Марченко, его зятя Аксиненко Кирилла, председателя колхоза Саськова Захара Матвеевича, председателя сельсовета Сарасек Павла Тимофеевича**. Посадили в бричку и увезли в село Кривошеино, в следственный изолятор.

Мать моя говорила: «Работаю, работаю в колхозе практически все двадцать часов, чтобы отпустили отнести батьке передачу. За пятьдесят километров ходила пешком, наварю картошки, только ее и принимали, а один раз в окно видела исхудавшего отца. Успела только спросить: «Пап, за что тебя арестовали?» Отец крикнул: «Уходи, Парася, уходи, по доносу кто-то из деревенских, наверное, сосед Басловяк. В обвинении сказано, что мы, якобы, агитировали колхозников за выход из колхоза, но ты не верь, всей родне передай, чтобы не верили». Потом подошел милиционер и отогнал меня от окна, через которое я разговаривала с отцом. Потом я через некоторое время пришла из такой дали, а мне один милиционер передал мятую бумажку, где было написано рукой батьки: «Нас на проходе ночью повезут в Новосибирск на суд, прощайте».

Вот я внук своего деда пишу, все достоверно из слов своей плачущей матери, которая всякий раз говорила: «На Советскую власть, детки, зла не держите, время было такое». Это все делали притаившиеся на самом деле враги, а чтобы выбить передовых людей, активно принявших новую власть и принявших активное участие в ее становлении. Писали доносы в соответствующие органы, которые являлись ОГПУ, затем НКВД, а те уж, как карающие органы, хватили без разбора, на кого поступит донос.

Эта тема – трагедия нашего народа и боль. Коснулась практически каждой семьи. С детства помню, как мы, деревенские пацаны, играли в «чику» – это игра такая, жестоко преследуемая в школах, а наказание наступало, если это доходило до администрации школы через систему доносов. Но в генах нашего народа сидит отрицательно-негативное отношение к доносам. По себе знаю, с кем поругался, лучше в честной драке выяснить отношения и неприязнь друг к другу, чем подлое занятие доносами друг на друга. Но сейчас с частными правами у нашего общества не все в порядке. И уже наяву демократы призывают по принципу американского общества доносить анонимно друг на друга. Но что-то их вновь востребованное желание не очень-то воспринимается русским миром, ведь память прошлого выше всех денежных вознаграждений.

С арестами руководителей жизнь не пришла в упадок. Только боль у родственников за невинно пострадавших отзывалась в каждой душе близких. Вскоре в 1936 году в нашей семье была прибавь. Родился сын и брат Ваня, но прожил недолго, всего четыре месяца. Мать говорила. От «сибирячки» хлопчик умер, все кричал, кричал, а что у него болело, никто толком не знал. Однажды от деда в 1937 году пришла весточка, попавшая в руки моей матери. Принес поздно вечером незнакомый мужик в плаще, он только спросил, здесь ли живет Прасковья Афанасьевна. Мать ответила, что это я. Он отдал листок бумаги и даже не стал пить предложенный чай. Так же быстро, как и появился, исчез в ночной тьме. Прочитали записку, где дед писал, что «осудили нас тройкой, мне вменили, и нашим деревенским, что мы якобы агитировали колхозников, чтобы они выходили из колхоза и навешали преступлений по пяти статьям. А мне в довесок еще мое офицерство припомнили и знание английского языка, приклеили ярлык иностранного шпиона. Нас всех развели по разным зонам. Я попал на северный Урал, где лопатой копал земельку под котлован. Потом начальник лагеря узнал, что я хороший пчеловод и назначил меня пчеловодом, и я разводил пчел, расселял рой по колодкам и исправно содержал пасеку. Сколько мне дали, не знаю до сих пор. Но пока живой. Передаю листок с надежным человеком. Его амнистировали и отпустили домой. Ваш Афанасий».

Вот и все, что мы знаем о жизни деда в заключении.

Предвоенное время.

В деревне жизнь протекала своим чередом. В 1935 году призвали в армию брата отца дядю Петю. Он родился в пятнадцатом году. Он попал в парашютные части. Служил в Монголии. В 1939 году принимал боевое участие на Халхин-Голе, за что был награжден Орденом Красного знамени. В Отечественную войну он пропал без вести.

В 1938 году родилась моя сестра Евдокия, в этом же году призвали в армию моего любимого дядю Александра. Он служил в восьмой Дальневосточной армии. Старший брат

моего отца дядя Вася 1908 года рождения отслужил кадровую еще в двадцатые годы. После службы женился, отошел от родителей своим двором. Мало у меня информации даже по близким родственникам, а по всей деревне тем более. Ведь практически вся деревня родня. Своим двором жила сестра отца, она вышла замуж за Татошинского **Ивана Коломейца**. Перед самой войной вышла замуж младшая сестра Татьяна за **Цаплина Владимира**. Матери два брата Иван и Николай тоже служили в армии.

Зимой в 1940 году разразился конфликт, переросший в военное столкновение между Финляндией и Советским Союзом, где выявились недочеты в построении вооруженных сил. За четыре месяца боевых действий наша страна понесла большие потери, более триста тысяч убитыми. В том числе, погибли и наши, деревенские. В некоторые дворы принесли похоронки, много было раненых с обморожением конечностей.

Весна в сороковом году наступило дружно, напористо. В конце апреля почти сошел снег. К концу мая бригады выехали на поля поднимать зябь, в деревне остались только старики и дети. Все взрослое население работало на полях. Вскорости начали сеять. За десять лет стало намного легче. На поля вышли в основном пахать трактора. Но еще пахали однолемеховым плугом на конной тяге. Сеяли уже сеялками, которые таскали за собой колесные универсалы. Работа была ударной, бригады соревновались между собой, в общем, работа кипела, это была последняя посевная перед надвигающимся черным облаком страшной большой войны. В колхозе уже было радио, которое каждый день сообщало, что фашистская Германия захватывает одну за одной европейские страны. И войска Вермахта уже нависли на западных границах СССР. Польша уже была оккупирована в сентябре 1939 года. Наши войска вошли в западные области и все, что отошло от Российского государства по Брестскому договору в 1918 году, Сталин вернул в лоно Советского государства.

Колхозное отлаженное хозяйство уже давало свои плоды, собрали богатый урожай.

Мать моя говорила, что зерна было столько, что не знали, где его хранить. Только и слышалось: «Хозяйка, куда за трудодни зерно складывать? Я уже мужикам говорила, хватит, места нет, куда класть, а старший говорит: Ничего не знаю, Прасковья Афанасьевна, это вам на трудодни полагается, еще вы должны получить мед». В каждый двор везли и везли мешки с пшеницей, рожью, овсом, гречихой, горохом. На подворьях была своя скотина, домашняя птица.

Ах, какой хлеб был вкусный, вытащенный матерью из печи на лопате с пылу, с жару. Помню этот ароматный запах выпеченного хлеба. Его смазывали налегке жиром, сбрызгивали водичкой и накрывали большим утирычем, чтобы буханки отходили от жара. Полежав, уже остывший, мать разрешала его есть, с теплыми хрустящими горбушками (у нас они назывались «скорынками») и с парным молоком. Горячий хлеб нам есть не разрешали, взрослые говорили, что это вредно, можно все внутренности обжечь. Не забыть эти мгновения, когда уплетал за обе щеки этот вкуснейший хлеб, иногда еще натерев корку чесноком.

За сданный хлеб получили наличные деньги, которые не так часто приходилось держать в руках колхознику.

В сороковом году летом у нас родился мальчик, его опять назвали Ваня. Сестры мои его лелеяли, нянчили, таскали на руках.

Наступил Новый год, который лишь недавно разрешили отмечать. 1941 год вошел в обиход суетливой жизни колхозников. В колхозной мастерской «хомутовке» ремонтировали конскую сбрую и прочий инвентарь для повозок всех бригад колхозного гужевого транспорта. В деревенской кузне раздавался стук молотков о наковальни, также готовились, ремонтировали плуги, бороны, колеса к телегам и бричкам, конские грабли и жатки, готовились к весенней посевной.

Весной в каждый дом была проведена радиоточка и из репродукторов доносились песни и рассказы дикторов о жизни большой страны. Каким-то непонятным чутьем

чувствовалось приближение войны, на душе было что-то щемящее, предчувствующее большое народное горе. Люди открыто боялись об этом говорить. За такие слова быстро угодишь по линии НКВД на хороший срок, только ногами сверкнешь. Никому не хотелось попадать в разряд «врагов народа». Даже отслужившие и демобилизованные солдаты были не словоохотливыми, да и они мало чего знали о надвигающейся беде.

Снег быстро таял. Ручьи стекали со всех оврагов в речку Татош. Вскорости река вскрылась, вода стала быстро прибывать, затопляя все низины поймы реки. Погода стояла хорошая, кое-где еще в лощинах лежал почерневший снег. Приезжали на поля старики, ходили по бороздам вспаханной земли, мяли ее, нюхали. Деды говорили: «Еще рано сеять, земля холодная, вот через недельку будет самый раз». И районное начальство с ними соглашалось, против опыта не попрешь.

Вскорости вся деревня вступила в посевную страду. Почему-то народ был тогда веселым, даже в тяжелом труде постоянно пели, никто их не заставлял, но люди пели и все тут. Это сейчас скептики демократического пошиба плетут всякие небылицы и околесицы, что все было по заданию НКВД. Все это чушь пятой колонны. Просто люди работали и спокойно проводили свой досуг. А когда грянула война, героически защищали то, о чем когда-то пели, о чем смеялись и плакали. Это вкус жизни.

Война народная

В разгар посевной в отпуск из армии пришли двое: Жук Петр Малахович и Обложко Василий Васильевич. Для нашей родни это была большая радость. Петр окончил как орденоносец курсы командиров и направлялся в парашютные части с востока на западное направление. Вскорости сыграли свадьбу, где он взял в жены девушку Зину из соседней деревни Татош. Зина была очень красивая, статная и ждала Петра из армии. Счастье молодых продолжалось недолго, всего около недели. Ночью прибыл посыльный из военкомата и вручил дяде Пете пакет, а также Василию Обложко, где им было предписано явиться в расположения своих воинских частей. Этой же ночью Петр попрощался со своими родственниками и молодой женой, и они отбыли вместе с посыльными. Петр постоял в своей родной хате, посмотрел на всех с дикой тоской, вытер скатившиеся из глаз слезинки и шагнул за порог в неизвестность, чтобы где-то на западной границе в первый месяц войны пропасть без вести. Петр оставил после себя наследство, родившуюся в 1942 году дочку **Галину Петровну Жук**, как две капли воды похожую на своего отца, напоминавшую всем своим родственникам, что ее отец не пропал без вести, а оставил свой след в дочке Гале.

Насколько знаю, моя двоюродная сестра все время ждет своего отца, а для меня родного дядю. Но чуда не произошло. Ведь в таком водовороте войны, как была эта Отечественная война, действительно Великая, сгинули без вести миллионы наших солдат, а особенно в хаосе и неразберихе ее начала. Никто учет не вел, да и время на это не было. По лесам, болотам и проселочным дорогам до глубокой осени брели окруженцы к линии фронта, многие попали в плен. А многие в частых стычках с оккупантами были убиты в бою, оставались ранеными в деревнях. Ведь тогда не только не знали их фамилий и кто откуда родом, даже имен не знали. Молча отступали и погибали молча.

А вот **Василий Обложко** пришел с фронта весь израненый, но живой. Я с его сыном Александром Обложко служил в одной части, у нас даже в спецподразделении стояли койки рядом. Ведь мы по нашим матерям троюродные братья, а братьев, как известно, не разлучают.

И наступило для нашего народа грозное время ВОЙНА. Ничего не плохого не обещающее утро 22 июня. Воскресенье. В деревне в каждом дворе занимались своим делом, готовясь к покосам. Ранним утром разносился перестук молотков, клепавших косы, да кое-где побреживали собаки. Днем стали собирать на сход, около магазина собралось много народу, все переговаривались, в душе предчувствуя страшное известие.

На столбе в динамике что-то прошипело и раздался взволнованный голос Молотова: «Братья и сестры, сегодня ровно в четыре утра, без всякого объявления войны

фашистская Германия обрушила по всей границе СССР от Черного и до Баренцева моря ураганный шквал огня с суши и с воздуха...Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

После этого сообщения наступила тишина, а затем, как-то опомнившись, народ заговорил. Заголосили бабы.

О начале войны нам еще в шестидесятые годы на двадцать лет Победы рассказывала моя мать. Тогда наши родители еще были молодыми.

В тылу все тяготы войны вынесли эти женщины, старики и старшие дети. Мы, послевоенные поколения, должны низко склонить перед ними головы, как перед бойцами тылового фронта.

Война вломилась в каждую квартиру, дом и хату. Начали собирать мужчин, кому пришли повестки. Военкомат в Молчанове работал круглосуточно. Пароходы, пришедшие к пристани, отчаливая, протяжным гудком прощались с провожающими. На пристани все было, и пьяные песни, и пляски, и гармошки на разные голоса рыдали, прощаясь с мобилизованными. В этой команде было много Свежегарцев, Тунгусовцев, Татошинцев и жителей практических всех близлежащих деревень. **В этой команде был и мой отец Иван Малахович. Отец вспоминал потом,** что все это было как во сне. Мать стояла на берегу вместе с провожающими. Дети, плотно облепив матерей, со слезами на глазах прощались со своими отцами, братьями, дядьками, они враз стали взрослее, чем до войны. Люди не знали, что многие уже никогда не ступят на родной берег Молчановской пристани. По команде они поднимались на борт колесника, который носил название «Коммунар». Всех повезли прямо в Новосибирск, без захода в Томск.

Проводив очередную партию мобилизованных, деревня как вымерла. Люди постепенно приходили в себя после разлуки с близкими. Но жизнь есть жизнь, Все мужские работы взвалили в колхозе на женщин и враз повзрослевших подростков. Впереди были большие испытания и в труде, и в голоде, и в непосильном труде. Но все вытащили на своих хрупких плечах русские женщины, старики и дети. Сибирь стала глубоким тылом. Беспрерывно на Восток шли эшелоны с беженцами с эвакуированными заводами, вместе с рабочими и их семьями. В деревню стали привозить эвакуированных людей из западных областей. Много было из Белоруссии, Украины, Прибалтики.

Крахмальный завод

В августе 1941 года привезли в деревню эвакуированный заводик с Нижнего Поволжья. Работники завода практически все были поволжскими немцами, их на всякий пожарный вместе с крахмальным заводом отправили в далекую Сибирь, чтобы они из картошки делали для фронта необходимую продукцию. Вместе с районным начальством руководство стало искать строительную площадку. Нашли по ту сторону Татоша высокое место, если с него смотреть в разлив, то внизу вся котловина была залита водой. Со стороны деревни можно было добраться только на обласке, лодке или плоту. Глубина в разлив была небольшая, поэтому катера не ходили, боясь сесть на мель. А попасть, пока вода не спадет, на транспорте в **поселок Крахмальное** можно было только по высокому берегу через **п. Пригородное**, подсобное хозяйство Могочинского лесозавода. Строили быстро и дружно, цеха, их было три, росли на глазах. Из Молчаново везли кирпич и цемент. Возводили специальные выпаривающие печи, огромные такие, их видел в детстве. Из бревен делали помещение. Завод был практически весь деревянный. Потом на улице были вырыты картофелехранилища с люками, отдушинами и вентиляционными трубами. Все продувалось, и гнили практически не было. Из цехов ходили вагонетки прямо в хранилище по проложенным рельсам. Для жителей были построены небольшие домики, благо корабельные сосны стояли прямо под окнами. Крахмальный завод уже к лету 1942 года давал продукцию Сырьем для функционирования завода был картофель. Он шел на изготовление крахмала, патоки («патахи»), его возили со всех деревень, даже из других районов: Кривошеинского, Чаинского, Шегарского, Колпашевского. Пиломатериалом снабжал Могочинский лесозавод, выросший к этому времени в крупный лесокомбинат. На заводе для нужд фронта делали спирт, он выпускал эту продукцию до середины

пятидесятых годов. Я еще помню, как внизу около шлагбаума на поляне стояли машины, повозки, привезшие на сдачу картошку, а взамен получали деньги. Во время войны, наверное, сдавали по-другому, по обязательствам. Там стоял хитрый магазинчик, где продавали спирт, после войны, конечно, война – это особенное время, много не попьешь, быстро срок схлопочешь. На заводе делали конфеты подушечки, сейчас таких и в помине нет. Начинка была из патоки и меда. Вот мы приходили и покупали эти конфеты, карамель тоже была, потом ржаные пряники, облитые медово-патахной смесью и обсыпанные крупной сахарной россыпью. Немцы для себя делали пиво, называемое «Баварским». Пару кружек и глаза в разбег. Потом медок на разлив, но это после войны, будучи пацаном, я эти напитки все перепробовал, но алкашом не стал. А кто был шибко активист, тот свалился в яму алкоголизма. Делали также очень вкусный лимонад. В пятидесятые и до середины шестидесятых годов крахмальный завод был «Клондайком». А кто работал на этом заводе – это было «государство в государстве». Видимо, это производство напрямую подчинялось обороне. Как сейчас помню, по весне большой разлив до крахмального, водное препятствие больше километра, добраться можно только на лодке. У нас в деревне от работы народ не может головы поднять. А на крахмальном гуляют каждый день, песни поют. Ведь там, в кооперации с Сильовским, где тоже жизнь была не очень натужная, практически на пуп не тянули. А принимали пушнину, дикоросы, мясо диких зверей. Зарплату получали наличными и всегда отличались от колхозников по одежке и холеными мордами. Молодежь наша постоянно дралась с ними из-за девок на вечерах, и не только из-за девок. Вроде бы несколько километров разъединяют нас, а условия жития совершенно разные. Вот с тех пор пошло, если парень пошел в армию, он получал паспорт после демобилизации. Забирал свою возлюбленную из деревни и шел работать на производство. Или же учиться. А иначе выбраться из колхоза было практически невозможно, потому что на руках не было паспорта. Это уже в 1960 году наш колхоз стал по весне совхозом. На учебу, или же ещё куда, стали выдавать паспорта. Эта процедура проходила почти месяц. Знаю точно, сам этот процесс проходил в 1967 году. Но в мою раннюю юность уже было гораздо легче. Совхозники стали получать зарплату в денежном выражении. Валом уезжали учиться. Тогда была такая тенденция, в основном восемь классов и вали из деревни. В конечном итоге деревни стали хиреть без молодежи. К восьмидесятым годам такой перекося с молодежью стал явью.

Вернемся опять в героическое время войны. Лозунг «Все для фронта, все для Победы!» - не простой звук, а призыв народа. Стоять и выстоять любой ценой и во что бы то ни стало дать фронту все необходимое, чтобы войска вели боевые действия, не оглядываясь на нужды фронта и тыла, и его поставок. С титаническим трудом в тылу у станка и на колхозном поле, ковалась наша Победа.

Александр Малахович Жук

После разгрома немцев под Москвой по весне 1942 года в деревню на побывку по ранению пришел мой дядя **Александр Малахович**. Он много рассказывал односельчанам о том, как с Дальнего Востока еще в сентябре 1941 года была переброшена их мотострелковая дивизия из состава восьмой Дальневосточной армии, как под Ельней они вступили в бой.

Дядя Саня рассказывал: «Немцы днем и ночью пёрли на Москву своими танковыми колоннами. Вот на этом Ельнинском выступе мы в обороне стояли насмерть. Вот один из эпизодов этих боев. Командир полка приказал выдвинуть группы по борьбе с танками противника. Я попал в одну из этих групп вместе с моим другом детства **Иваном Аксиненко** из нашей деревни. Сидим в отрытом нами же окопе и отсекаем из станкача передвигающуюся короткими перебежками вражескую пехоту. Многие наши уже лежат на дне окопа убитые. Быстро темнеет. Боеприпасы кончились, приготовились к худшему. В шурфе в окопе стоят около десяти ящиков с бутылками зажигательной смеси. Сплошным валом пошли немецкие танки с зажженными фарами. Через наш окоп уже проползли три танка. Мы посмотрели друг на друга. Я выскочил из окопа, кричу: «Иван,

давай бутылки!». Рядом проходят два танка. Я кинул направо на решетку танка бутылку, и налево, на рядом проходивший танк. Танки вспыхнули ярким факелом. Немного пройдя, как вкопанные танки встали, из них стали выскакивать немецкие танкисты. Я из нагана в упор застрелил четырех немцев, а остальных – Иван. Мы вытащили из норы еще два ящика и стали забрасывать бутылками танки. За этот бой сожгли вдвоем восемь танков. Да особых трудов, чтобы в темноте поджечь танки, у нас не было. Они плотно ползли как муравьи. Наша задача была одна – остаться живыми и не попасть под гусеницы танков. Жгли танки не мы одни, а все группы, выдвинутые на борьбу с танками, все, кто остался живыми, забрасывали их. Вот так мы сорвали немцам их танковую психическую атаку. Враг потерял сорок девять танков, которые, потрескивая, догорали на всем огромном поле. Потом командир полка сказал, что находчивость русского солдата в руках с бутылкой зажигательной смеси, да еще в ночное время – грозное оружие. Нас за этот бой к «Герою» представили, но мы оказались в окружении, и весь штаб попал в плен вместе с документами. Потом нас отбили наши солдаты, прорвав окружение. И вскорости приказом наши дивизии за оборону Ельни переименовали в Гвардейские. Наша дивизия номер 5 (Гвардейская пятая дивизия). Вскорости я получил осколочные ранения в правую руку и попал в госпиталь. Аксиненко Иван также воевал в этой дивизии».

Когда их дивизия стояла на переформировании и пополнялась личным составом, ее подняли шестого ноября и привезли в Москву, где в пешем порядке строем она прибыла на Красную площадь. Никто не знал, зачем столько много войск построено. Мы с Иваном стояли правофланговыми, как командиры пулеметных отделений. Потом раздались команды, и мы строевым шагом прошли по Красной площади, где на мавзолее стоял Сталин. Меня еще кто-то из бойцов спросил: «А он живой?». Кто-то цыкнул: «Тихо вы, вон видишь, изо рта пар идет». Вот вживую слышал этот рассказ от очевидца-фронтовика. Мой дядя Саня прошел трудными дорогами войны, и в те далекие шестидесятые мы, будучи детьми-школьниками, мы заморожено слушали живых участников этих событий. А они, участники, тогда еще были очень молодыми, и нам казалось, что они до сих пор пахнут порохом.

Так мой дядя после парада 7 ноября 1941 года участвовал в битве за оборону Москвы, потом их дивизия попала в окружение. Весной 1942 года они вышли из окружения. Он рассказывал: «К нам на «У-2» прилетел командарм. На свое место в самолет посадил тяжело раненого солдата, а сам остался с окруженными войсками, готовить их к прорыву из окружения. В начале марта ночью при развернутых знаменах соединений генерал взял винтовку и стал в общую цепь. Генерал произнес: «Нас поддержат фронты, мы идем на прорыв. Кто погибнет – вечная слава, кто останется живым при выходе из этого пекла – будет долго жить». Взлетела сигнальная ракета к общей атаке, и мы пошли. Помню, была какая-то речка, трупы не успевали тонуть. Мы валом валили прямо по убитым и раненым. Немцы били из орудий, пулеметы перегревались и не могли стрелять. Мы их молча взяли на штык, и кто что имел под рукой, всё было в деле. Кругом стоял сплошной гул. Прорвав первое кольцо окружения, стали рассредоточиваться и уничтожать огневые точки врага. Наши хорошо помогли с передовой артиллерией, танками и встречной атакой. В таком порыве уцелевшие окруженцы прорвали заслон и соединились с нашими войсками. Из дивизии вышли из окружения четыреста пятьдесят человек вместе со знаменами полков. А остальные погибли. Но и немцы понесли огромные потери».

Дядя Саня после побывки дома отбыл на фронт в свою часть.

Судьба сберегла их, Ивана Аксиненко и Александра Жука. Всю войну они прошли вместе. Вместе принимали участие в Курской битве, форсировании Днепра, в составе Прибалтийского фронта брали крепость Кенигсберг и в 1946 году только демобилизовались, успев еще повоевать с Прибалтийскими нацистами. Приехав в родную деревню, мой дядька весь был в орденах и медалях, так же и Иван Аксиненко. Дядя Саня умер в возрасте 49 лет в октябре 1966 года. Дядю Ваню я еще видел в середине

семидесятых. Сейчас его, конечно, тоже нет в живых. Я его просил: «Дядя Ваня, а правда, что вы с моим дядькой подбили восемь танков?». Он даже обиделся: «А ты что, сомневался в своем дядьке?».

Жук Ефим Григорьевич

Вот так воевали наши деревенские. Но по-разному сложились судьбы солдат. Вот, например, по материнской линии, двоюродный брат Ефим.

Дядя Ефим рассказывал: «Служил на западной границе. Войну встретил с артобстрела. После отходил по лесам Белоруссии к фронту. Но фронт откатывался и откатывался. По пути следования примыкали разрозненные группы окруженцев. Второго июля вышли на поляну и сразу же попали в кольцо из танков и бронемашин. Вступили в бой. Но это был не бой, а бойня. Немцы давили танками наших людей, а пехота их расстреливала. Немцы предложили сдаться в плен. Вот так дядька Ефим контуженным оказался в плену, хоть и не пасовавшим в честном бою с врагом. Целый год был в лагере где-то в Прибалтике. От плетей спина стала дубленая. Норму не выполнил - десять плетей, не так посмотрел - вообще без баланды останешься, а то могут - к стенке и расстрелять. В 1942 году стали по лагерям ездить вербовщики в немецкой форме нашивкой на рукаве РА. Раза четыре вот так приезжали к нам в лагерь военнопленных и всегда с собой увозили по человек десять, пятнадцать. Я подумал, подумал и в один из приездов вербовщиков из русской освободительной армии Власова по команде «Кто согласен служить в РА?» вышел из строя. До сих пор помню злые глаза моих товарищей по лагерю.

Нас привезли в одно местечко, на какой-то хутор. Естественно, накормили, отмыли в бане, ну а остальное - как и везде в армии, занятия по расписанию. Мысль не покидала меня оборваться из этого воинства. Попал в охранную роту, как деревенский. С востока гнали скот табунами, а мы их сортировали, загоняли в вагоны-телятники и под охраной немецких солдат отправляли в Германию. Скот был в основном колхозный, на ушах висели железные метки. Все это вывозили из оккупированных территорий нашей страны. В один из дней, это было лето 1942 года, налетела наша авиация и давай бомбить. До этого бомбежки не было. Все горело, орало, прыгало и взрывалось. Не задумываясь я шуганул под горящие вагоны и таким образом покинул службу в РА.

Выбравшись в лес, быстро скинул ненавистную форму, скомкал ее, и, привязав большой камень, скинул в воду какого-то озера. Кустами, сам в кальсонах и в сапогах, с винтовкой в руках, побежал вдоль лесной тропинки. Слышу, лает собака, и петух поет, еще прошел, вижу хутор литовский. Жрать хочу, аж голова кружится. Может еще от внезапно позволившей свободы. Смотрю, на задворках огорода стоит чучело, а на чучеле мужская одежда. Уже вечерело, я потихоньку чучело опустил вниз, быстро переоделся, все оказалось в пору. С изгороди прихватил мешок, рядом было картофельное поле. Картошка уже цвела, накопал мешок картошки, сделал лямки и пошел на восток. Про все мытарства не буду говорить, но к глубокой осени, уже была изморозь, дошел до фронта. Наткнулся на двоих убитых наших солдат. Переоделся в красноармейскую форму, практически новую. Похоронил бойцов, документов у них никаких не было. У одного был наган, вокруг них было множество патронов и валялось три диска от Дегтяря. Наверное, прикрывали отход своей части. Винтовку оставил, положив на холмик могилки, взял наган и хороший нож в ножнах и пошел на звуки канонады. Через четыре дня ночью перешел фронт. Кругом были свои, а для меня не совсем свои. Вместе с окруженцами прошел сито сортировки, где я назвался своим именем, Жук Ефим Григорьевич. После проверки направили туда, где формировали потрепанные части. Попал в обозную команду. Дали мне двух лошадей и двуколку, где я подвозил на передовую боеприпасы. Зимой немец нас хорошо прижал, но под Сталинградом все закончилось, наши взяли в кольцо Паулюса. А немцы бросали все, что могли.

У нас на Воронежском фронте шли тяжелые кровопролитные бои, и я опять чуть не попал в плен. Вот тогда у меня зимой в 1943 году и взбрела идея - свалить домой в

Сибирь. В один из боев меня ранили. В чувство вошел уже в санитарном поезде. Грудь пробита навылет. Привезли в Новосибирск в госпиталь, через два месяца уже самостоятельно ходил. Потом комиссия и в июле 1943 года в разгар Курской битвы меня отпустили домой выздоравливать после тяжелого ранения. В конце сентября вызвали в военкомат на перекомиссию и дали заключение: «Годеен к строевой». По дороге на фронт я сбежал из эшелона, идущего на запад, и стал пробираться домой в деревню. Дома за огородами на островке в болоте выкопал и соорудил себе землянку, никто кроме матери и сестры не знал, что я дезертировал. Таскали мне продукты и курево, но кто-то просек это дело и донесли в милицию. Ночью нагрянули, меня повязали. Землянку развалили, меня отвезли в Томск и осудили за дезертирство, дали шесть лет, которые я отсидел от звонка до звонка в Краслагере на лесоповале, и в 1950 году, отбыв срок, приехал домой. Женился, но постоянно носил клеймо дезертира. Уже под старость мне вернули звание фронтовика и выдали удостоверение участника ВОВ и прилагающиеся льготы. Вот так, по малодушию, я и стал дезертиром, за что и отсидел. Как говорится, судьбу не обманешь, особенно военную.

Земляки-фронтовики

Вернулись с войны многие наши земляки. Это Акисненко Прокоп, Саськов Иван Михайлович, Цаплин Владимир Федорович, Цаплин Федор Федорович, Саськов Ефим Лодевич, Саськов Михаил Илларионович, Сарасек Иван Павлович, Сарасек Наней Павлович, Жук Василий Малахович, Жук Иван Малахович, Марченко Николай Афанасьевич, Марченко Иван Афанасьевич, Жук Петр Иванович, Жук Степан Иванович, , Баринов Виктор Викторович, Аксиненко Иван Прокопович, Швендик Максим Кириллович, Соколов Михаил Григорьевич, Лаевский Филипп Андреевич, Жуков Александр Малахович, Гольнев Василий Михайлович, Саськов Григорий Алексеевич, Жук Ефим Захарович.

В плен в самом начале войны попали Саськов Григорий Алексеевич, Гольнев Василий Макамович и еще несколько наших односельчан. Судьба их неизвестна. Многие пропали без вести, никто не знает, какой был последний час их жизни. Но они были. Они по крови наши родственники. Они бегали маленькими по кривым улицам наших деревень. У них были школьные годы, юность. И только война внесла свои корректировки. Особенно вот такая формулировка - «пропал без вести». То есть бесследно исчез. И только у родственников душевной болью отзываются память о людях, отдавших свои жизни ради нас, живущих на этой брэнной земле, которая помнит своих безвременно погибших сыновей.

Вот так воевали наши деревенские. В каждой семье есть фотографии тех лет, с которых смотрят молодые и красивые солдаты, которые положили на алтарь Отечества самое дорогое, что есть у человека – свою жизнь. Многие пришли с фронта израненные и больные, многие умирали от ран, которыми их наградила их война.

У многих наших мужиков было множество наград. Сейчас их, живых свидетелей и участников Великой Отечественной войны, практически нет в живых. И только мы, послевоенные дети, еще помним рассказы о войне наших родственников. И наша обязанность донести это до наших потомков. Всю правду, трагическую, кровавую и героическую, приведшую нашу страну к Великой Победе, о боях и титаническом труде в тылу женщин и детей. И никогда нашим недругам не затмить ту Славу и Триумф Победы нашего Советского народа, хотя они и пытаются это сделать. У них ничего не получится, пока в наших сердцах живет Память

Список призванных на фронт в действующую Армию за период войны и погибших

1. Жук Александр Трофимович, пропал без вести.
2. Жук Андрей Яковлевич, 1922, рядовой, Молчановский РВК, пропал без вести.

3. Жук Анисим Николаевич, 1908 г.р., рядовой Кривошеинский РВК, пропал без вести в феврале 1942 года.
4. Жук Артем Пименович, 1916 г.р., рядовой, Молчановский РВК, погиб в бою 14.03.42. Смоленская область, Сухинский район, д. Стрельня.
5. Жук Василий Архипович, рядовой, умер от ран 12.-4.43, г. Томск.
6. Жук Захар Михайлович, 1909 г.р., рядовой Молчановский РВК, погиб в бою в 04.44 г. Витебская область
7. Жук Иван Маркович 1926 г.р., рядовой, Молчановский РВК, погиб в бою 10.04.42 г.
8. Жук Марк Михайлович, 1897 г.р., рядовой, Молчановский РВК, погиб в бою 10.04.42 г. Ленинградская обл.
9. Жук Михаил Васильевич, 1909 г.р., рядовой, Молчановский РВК, погиб в бою 27.09.1941 г. Смоленская обл.
10. , Жук Михаил Васильевич, 1909 г.р., рядовой, Молчановский РВК, погиб в бою 27.09.41 г. Смоленская обл.
11. Жук Михаил Пименович, 1922 г.р., рядовой, Молчановский р-н, Чаинский РВК, погиб в бою 31.01.43 г., г. Сталинград.
12. Жук Никита Николаевич, 1902 г.р., рядовой, Черниговская обл., с. Сельцы, призван Томская обл., Кривошеинский РВК, пропал без вести в феврале 1942 г.
13. Жук Николай Малахович, 1926 г.р., рядовой, Молчановский р-н, Молчановский РВК, умер от ран 19.06.44, карело-Финская ССР.
14. Жук Петр Васильевич, 1926 г.р., рядовой, Молчановский РВК, погиб в бою 15.09.44, Эстонская ССР, г. Тарту.
15. Жук Петр Ефимович, 1926 г.р., рядовой, Молчановский р-н, Молчановский РВК, погиб в бою 15.09.44 г.
16. Жук Петр Малахович, 1915 г.р. Молчановский РВК, пропал без вести в сентябре 1941 г.
17. Жуков Вениамин Иванович, 1905 г.р., рядовой, Молчановский РВК, пропал без вести в марте 1942 г.
18. Жуков Виктор Макарович, 1924 г.р., сержант, Молчановский РВК, погиб в бою 01.07.1944 г. Карело-Финская ССР, Выборгский район, пос. Карьяла
19. Жуков Денис Иванович, 1903 г.р., рядовой, Черниговская обл. с. Сельцы, Молчановский РВК, пропал без вести в декабре 1941 г.
20. Жуков Иван Иванович, 1910 г.р., рядовой, Молчановский РВК, пропал без вести в апреле 1944 г.
21. Жуков Игнат Акимович, 1900 г.р., рядовой, Молчановский РВК, умер от ран в 1941 г. Ленинградская обл., д. Малиновка.
22. Жуков Михаил Васильевич, 1908 г.р., рядовой, Молчановский РВК, пропал без вести в декабре 1941 г.
23. Аксиненко Петр Романович, 1907 г. рядовой, Молчановский р-н, Молчановский РВК, погиб в бою в декабре 1941 г, Калининская обл.
24. Аксиненко Прохор Прокопьевич, 1919 г., Свежегарь, рядовой, Молчановский РВК, погиб в бою в январе 1942 г.
25. Аксиненко Семен Егорович, рядовой, Молчановский р-н, умер от ран 30.04.1942 г Калининская обл., Молодотудский р-н, д. Сухая Орга.
26. Аксиненко Алексей Митрофанович, 1913 г.р., рядовой, Молчановский р-н, Молчановский РВК, Федоровка, Пропал без вести в декабре 1941 г. Московская обл.
27. Аксиненко Василий Тимофеевич, 1917 г.р., рядовой, Свежегарь, Молчановский РВК, пропал без вести в 1941 г.
28. Аксиненко Григорий Тарасович, 1919 г.р., рядовой, Свежегарь, Молчановский РВК, погиб в бою 16.08.1942 г. Воронеж.

29. Аксиненко Иван Васильевич, 1896 г. рядовой, Молчановский р-н, д. Молчановский РВК, погиб в бою 05.01.1944 г. Витебская обл, Городокский р-н, д. Белянки.
30. Аксиненко Иван Митрофанович, 1913 г.р. д. Свежегарь, Молчановский РВК, пропал без вести в 1941 г., Ленинградская обл.
31. Аксиненко Иван Михайлович, 1909 г.р., сержант, Молчановский р-н, д. В.Федоровка, Молчановский РВК, пропал без вести в 01 1943 г.
32. Аксиненко Иван Романович, 1915 г.р., рядовой, Молчановский р-н., д. Свежегарь, Молчановский РВК, умер от ран 04.03.1943 г. Калининская обл., д. Лопатино
33. Аксиненко Иван Филиппович, 1923 г.р., рядовой, Молчановский р-н, д. Верхняя Федоровка. Молчановский РВК, погиб в бою 25.11.1942 г, Смоленская обл., Бельский р-н, д. Цыгуны.
34. Аксиненко Матвей Иванович, 1899 г.р., рядовой, Молчановский р-н, д. Свежегарь, Молчановский РВК, погиб в бою 01.05.42 г., Ленинградская обл., д. Спасская.
35. Аксинеко Михаил Кириллович, 1919 г.р., рядовой, Молчановской р-н, Свежегарь, Молчановский РВК, погиб в бою, Германия.
36. Аксиненко Михаил Максимович, 1907 г.р., рядовой, Черниговская губ., с. Сельцы, Молчановский РВК, погиб в плену в 1941 г.
37. Аксиненко Никифор Степанович, 1911 г.р., рядовой, Свежегарь, Молчановский РВК, погиб в бою в июне 1944 г.
38. Аксиненко Николай Васильевич, 1923 г.р., рядовой, погиб в бою 04.07.44 г. Пинская обл, с. Жилкино.
39. Аксиненко Петр Данилович, 1923 г.р., сержант, Молчановский р-н, Молчановский РВК, умер от ран 14.11.42 г.
40. Аксиненко Филип Иванович, 1901 г., рядовой, Свежегарь, Молчановский РВК, погиб в бою 24.03.42 Ленинградская обл., Мшинский р-н.
41. Аксиненко Семен Егорович, рядовой, Молчановский р-н, умер от ран 30.04.42 г. Калининская обл. Молодотудский р-н, д. Сухая Орна.
42. Клименко Михаил Петрович, 1915 г.р., рядовой, Молчановский РВК, пропал без вести в сентябре 1942 г., уроженец Свежегари.
43. Клименко Николай Михайлович, 1903 г.р., рядовой, Молчановский РВК, умер от болезни 01.12.1941 г.
44. Ковалев Иван Тихонович, 1903 г.р., Молчановский РВК, пропал без вести в 11.43 г.
45. Маньков Александр Георгиевич, 1921, Молчановский р-н, Молчановский РВК, пропал без вести.
46. Маньков Анатолий Владимирович, Молчановский РВК, пропал без вести в 01.1943 г.
47. Маньков Илья Владимирович, 1922 г.р., Молчановский р-н, Кривошеинский РВК, погиб в бою 19.11.44 г. Латвийская ССР, Добельский р-н г. Ауце.
48. Маньков Николай Евдокимович, 1922 г.р. сержант, Молчановский р-н, Молчановский РВК, погиб в бою 13.12.44 г. Чехословакия, с. Дворянки.
49. Маньков Николай Кондратьевич, 1902 г.р., сержант, Кривошеинский РВК, погиб в бою 23.03.44 г., Николаевская обл., Одесский р-н, . Михайловка
50. Маньков Семен Никитич, 1899 г.р., рядовой, Молчановский р-н, Молчановский РВК, пропал без вести в 01. 43 г.
51. Маратканов Тихон Николаевич, 1913 г.р.В. Федоровка, Молчановский РВК, пропал без вести в 01.1942 г.
52. Марченко Александр Матвеевич, 1919 г.р., Молчановский р-н, В.Федоровка, Кривошеинский РВК, пропал без вести в 1945 г.

53. Марченко Ефим Семенович, 1915 г.р., В.Федоровка, Кривошеинский РВК, погиб в бою 03.07.1944 г.
54. Марченко Иван Андреевич, 1900 г.р., рядовой, Кривошеинский РВК, пропал без вести в 05.45 г.
55. Марченко Иван Тихонович 1920 г.р., рядовой, Молчановский РВК, пропал без вести 10.09.1942 г. Сталинградская обл.
56. Марченко Митрофан Федорович, рядовой, Черниговская губ, Молчановский РВК, пропал без вести в 02.43.г.
57. Марченко Николай Семенович, 1913 г.р., рядовой, Молчановский РВК, погиб в бою 01.03.44 Киевская обл., Шполянский р-н, д. Скорятово.
58. Марченко Николай Федорович, 1910 г.р., сержант, В.Федоровка, Молчановский РВК, погиб в бою 03.04. 1942 Ленинградская обл.
59. Марченко Павел Иванович, Молчановский РВК, погиб в бою 20.09.42 г. Сталинградская обл.
60. Марченко Семен Семенович, 1922 г.р., рядовой, Молчановский р-н, Кривошеинский РВК, пропал без вести в 01.43 г. Сталинградская обл., д. Гнутово
61. Мельник Леонид Степанович, 1918 г.р., старшина, Молчановский р-н, В.Федоровка, Кривошеинский РВК, погиб в бою 24.07.43 г.
62. Мельник Степан Иосифович, 1919 г.р., старшина, В.Федоровка, Кривошеинский РВК, погиб в бою 13.10.43 г. Ленинградская обл., Колпинский р-н, п. Красный бор.
63. Муравский Иван Никонович, 1908 г.р., рядовой, Молчановский р-н., д. Свежегарь, пропал без вести в 08.1943 г.
64. Муравский Петр Никонович, 1922 г.р., старший сержант, В.Федоровка, Пудинский РВК, пропал без вести в 07.44 г.
65. Савченко Александр Фомич, 1902 г.р., Молчановский РВК, пропал без вести в 06.42 г.
66. Савченко Василий Данилович, 1920 г.р., ст. сержант, В.Федоровка, Молчановский РВК, пропал без вести 19.01.45 г., Германия.
67. Савченко Михаил Павлович, 1910 г.р., рядовой, Молчановский РВК, пропал без вести в 04. 1944 г.
68. Савченко Михаил Тимофеевич, 1908 г.р., рядовой, Свежегарь, Молчановский РВК, пропал без вести в 03. 1943 г.
69. Савченко Федор Максимович, 1920 г.р., рядовой, Могилевская обл., Молчановский РВК, погиб в бою 13.07.44 г. Ленинградская обл., Выборгский р-н.
70. Соколов Александр Григорьевич 1925 г.р., В.Федоровка, Молчановский РВК, рядовой, погиб в бою 11.09.44 г.
71. Соколов Александр Петрович, 1925 г.р., рядовой, В.Федоровка, Молчановский РВК, погиб в бою 11.09.44 г., Польша, Краковское воеводство, Дембецкий уезд, д. Гурна
72. Соколов Максим Иванович, 1910 г.р., рядовой, Молчановский РВК, пропал без вести в 04. 1942 г.

Продолжение следует...